

История
Общество
Политика
2020
№2(14)

Брянский
государственный
университет
имени академика
И.Г. Петровского

ИСТОРИЯ ОБЩЕСТВО ПОЛИТИКА

**№ 2(14)
2020**

ББК 63/66
И 90

ИСТОРИЯ. ОБЩЕСТВО. ПОЛИТИКА. 2020. №2 (14)

Сетевое научное периодическое издание.

Точка доступа: <http://www.clio-brgu.ru>. Размещено на официальном сайте журнала: 30.06.2020

Научное сетевое издание, в котором представлены результаты научных исследований в направлениях: теория, методология, историография; история и политика: метаморфозы и символы власти; интеллектуальная история; история повседневности; исторические портреты; политические науки: история и теория; история международных отношений; проблемы преподавания истории.

Редакционная коллегия

Председатель Редакционного совета: доктор филологических наук, профессор **А.В. Антюхов**.

Главный редактор: **С.В. Артамошин** - доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Заместитель главного редактора: **А.В. Федин** – доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственный секретарь: **А.А. Чубур** – кандидат исторических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Члены редакционной коллегии:

И.В. Алферова - доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.Ф. Блохин - доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

С.Ф. Блуменау - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

В.И. Золотов - доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

А.В. Сагимбаев - кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского;

Е.А. Шинаков - доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского.

Ответственность за фактические данные, представленные в статьях, лежит на их авторах
Точка зрения авторов может не совпадать с точкой зрения членов редакционной коллегии

© РИО ФГБОУ ВО «Брянский государственный университет имени академика И.Г.Петровского», 2020
© Коллектив авторов, 2020

Историческое краеведение

УДК 94(470.333).084.3

Ю. П. Соловьев

«ПЕРЕЧИСТИТЬ СОВЕТЫ». АНТИБОЛЬШЕВИСТСКОЕ ВОССТАНИЕ БРЯНСКОГО КРАСНОАРМЕЙСКОГО ГАРНИЗОНА 12-14 МАРТА 1919 ГОДА

Аннотация: Статья посвящена истории антибольшевистского восстания Брянского гарнизона Красной армии, произошедшего 12-14 марта 1919 г. В исследовании реконструируются ход событий, особенности жизни г. Брянска в первые годы коммунистического режима, особенности поведения первых красноармейцев, говорится об участии красноармейцев в еврейских погромах, актах насилия и мародерства, приводятся биографические справки участников событий. Также в статье изложены малоизвестные факты из истории Богунского и Тарашчанского полков, вошедших в советскую мифологию вместе с их командиром Н.А.Щорсом.

Ключевые слова: 1918. 1919. Россия. Украина. Гражданская война. Красная армия. Брянск. Брянский гарнизон. Унеча. Навля. Комаричи. Тарашчанский полк. Богунский полк. Восстание красноармейцев. Еврейские погромы.

Solovjev Yu.P. «Clear Soviets». Anti-Bolshevik uprising of the Bryansk red army garrison on March 12-14, 1919
Abstract: The article is devoted to the history of the anti-Bolshevik uprising of the Bryansk garrison of the red army, which took place on March 12-14, 1919. The study reconstructs the course of events, the features of life in the city of Bryansk in the first years of the Communist regime, the behavior of the first red army soldiers, describes the participation of red army soldiers in Jewish pogroms, acts of violence and looting, and provides biographical information about the participants of the events. The article also contains little-known facts from the history of the Bogun and Tarashchansky regiments, which entered the Soviet mythology together with their commander N. A. Shchors.

Keywords: 1918. 1919. Russia. Ukraine. Civil war. Red army. Bryansk. Bryansk garrison. Unecha. Navlya. Komarichi. Tarashchansky regiment. Bogunsky regiment. The uprising of the red army. Jewish pogrom.

1. БРЯНСКИЙ ГАРНИЗОН В НАЧАЛЕ 1919 ГОДА

К 21 января 1919 г. Брянский красноармейский гарнизон включал в себя 3-ю бригаду 4-й стрелковой дивизии, состоявшую из 34-го и 35-го запасных стрелковых полков, 3-й запасный батальон, артиллерийские 4-й мортирный и 4-й тяжелый (который называли также гаубичным или сводно-гаубичным) дивизионы, караульный батальон и конвойную команду [26, л.57; 22, л.1об, 3; 21, л.3]. Общая численность гарнизона достигала 5 тысяч штыков [65, с.20, 23, 24], хотя в позднейшей советской литературе иногда говорят, что «в конце 1918 и начале 1919 года гарнизон Брянска доходил до 25-ти тыс[яч] человек» [9, с.55; 94, с.25]. Последнее вряд ли может быть правдой. Стрелковая бригада и 3-й запасный батальон размещались в Льговском поселке (ныне Фокинский район г. Брянска) при станции Брянск Московско-Киево-Воронежской железной дороги (ныне станция Брянск-Льговский или Брянск-II), в 4-х верстах от тогдашнего Брянска. Казармы-баракы бригады и батальона находились, скорее всего, в районе современной остановки общественного транспорта «Западная». В годы 1-й мировой войны здесь располагалась 23-я запасная пехотная бригада. Между Льговским поселком и городом Брянском протекала (и протекает) река Десна, через которую были переброшены деревянный Черный мост и «живой», то есть понтонный, временный мост – примерно в 5 км вверх по течению от моста Черного. Артиллеристы квартировали в доставшихся им от 5-го тяжелого артиллерийского дивизиона Императорской Русской Армии каменных одноэтажных казармах на Трубчевской улице Брянска (ныне улица Красноармейская,

территория центрального брянского рынка. Казармы были снесены в мае 2012 г.)¹.

Рис.1. Красноармейцы Брянского гарнизона в строю на Рождественской горе, переименованной в 1918 г. в Советскую улицу (ныне бульвар Гагарина). 17 апреля 1919 г. ГАБО.

¹ Служивший здесь в 1918-1919 гг. Владимир Петрович Разумов вспоминал в 1982 г.: «Меня... направили в 4-ый тяжелый артиллерийский дивизион, который был расквартирован в Брянске и располагался в казармах, что в конце бывшей Трубчевской улицы, напротив Канатной фабрики, последнего здания на этой улице, за которым на повороте влево были расположены еврейское, а затем военное кладбище, а прямо Рис.1. Красноармейцы Брянского гарнизона в строю на Рождественской горе, переименованной в 1918 г. в Советскую улицу (ныне бульвар Гагарина). 17 апреля 1919 г. ГАБО. начинались огороды. Ныне в бывших казармах размещаются какие-то военные базы, а за ними вновь перенесенный сюда (с набережной реки Десны. – Ю.С.) городской рынок. В последние год-два площадь базы значительно сокращена, а перед ней со стороны ныне Красноармейской улицы разбит сквер. Кое-кто из старожилов Брянска помнит эти казармы и конюшни, где располагались могучие лошади-битюги, которые таскали пушки, и более легкие лошади дивизионного обоза. Канцелярия дивизиона находилась в двухэтажном каменном здании, расположенном на той же Трубчевской улице, однако ближе к центру, на пересечении Трубчевской улицы с Успенской (ныне улицы Урицкого). Это здание сохранилось в том же виде, что и более шестидесяти лет тому назад. В верхнем этаже этого здания помещалась канцелярия дивизиона, в нижнем жили писаря». 4-м тяжелым артиллерийским дивизионом РККА командовал некто Ханьков – вероятно, кадровый офицер русской конной артиллерии. Политруком дивизиона был Иван Захарович Киндал [81, л.3.7, 3.8].

Караульный батальон занимал, вероятно, так называемые Баженовские казармы, в которых до 1-й мировой войны размещался 144-й пехотный Каширский полк. Казармы эти находятся в центре города, на пересечении улиц Завальской (ныне Октябрьская) и Комарёвской (ныне Фокина).

Относительно качеств личного состава частей Брянского гарнизона советские авторы колеблются в оценках от самых положительных до совершенно негативных. Например, в декабре 1918 г. газета «Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» писала: «6-го декабря в 34 и 35 стрелковых полках состоялся митинг. Выступал тов[арищ] Игнат Фокин (большевик, глава исполнительного комитета брянского уездного совета. – Ю.С.). Красноармейский клуб был полон. Все молодые, хорошие лица. Тысячи ясных глаз ловили слова оратора. Он говорил им о великом значении красной армии, несущей миру идеи братства и счастья трудящихся на всей земле. Дружно пропели марсельезу и похоронный марш. Товарищи – обращайтесь больше внимания на красную армию!» [92] Вероятно, этот контингент красноармейцев отправился в январе 1919 г. с маршевыми ротами на Восточный фронт, сражаться против войск верховного правителя России адмирала Александра Васильевича Колчака. Во всяком случае, те же «Известия Брянского уездного исполкома» 19 января сообщали: «34-й пех[отный] стрелковый полк Брянского гарнизона выразил желание отправиться добровольно на фронт. 17-го января ему торжественно было вручено знамя и на днях он предполагает выбыть на фронт» [36]. И уже 28 апреля – 13 мая 1919 г. 3-я («брянская») бригада 4-й стрелковой дивизии действительно участвовала в Бугурусланской операции Красной армии [13; 53, с.164; 54, с.205].

После отправки на фронт одного состава бригады, полки ее в Брянске были доукомплектованы за счет мобилизованных. Брянская коммунистическая газета писала 18 марта 1919 г.: «Находившиеся ранее в Брянском гарнизоне полки были отправлены на фронт и заменены присланными мобилизованными по последним призывам солдатами, среди которых был большой процент дезертиров, а также и из бывшей "армии" Ремнёва, так хорошо знакомой жителям гор[ода] Брянска» [76]. Две книги, вышедшие в Брянске в 1927 г., характеризуют этот состав гарнизона по-разному. В одном случае пополнение 3-й бригады представлено как «мобилизованная крестьянская молодежь, ... совершенно политически не развитая» [9, с.55]. В другом случае говорится, что «в гарнизон пришли новые пополнения, состоявшие из крестьян призыва 1917 года, уже служивших в царской армии. Эти пополнения сразу внесли в гарнизон дух неудовольствия и "бузотерства", они стали требовать организации ротных комитетов, предоставления полного довольствия и т. д.» [10, с.20].

2. ЗАХАРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ НАХАЁВ, ТАРАЩАНСКОГО ПОЛКА КРАСНОАРМЕЕЦ, СОТОВАРИЩИ

О том, кто зимой-весной 1919 г. служил в брянских 3-й стрелковой бригаде и 3-м запасном батальоне можно рассказать и более предметно. Да, среди солдат этих частей встречались бывалые люди. Например, артельщиком (избираемым солдатами части из своей среды для заведования продовольствием) 1-й отставной роты 3-го запасного батальона служил 32-летний кубанский казак Лаврентий Семенович Валерьев, в феврале 1919 г. прибывший в Брянск из Карачева [21, л.5]. Совершенно очевидно, что этот человек имел немалый и разнообразный военный и жизненный опыт. Кроме того, само наличие при батальоне «отставной роты» говорит о том, что таких многоопытных бойцов в части хватало. И с полным правом к ним можно отнести красноармейца 3-й роты 34-го запасного стрелкового полка Захара Васильевича Нахаёва, 28-летнего безземельного крестьянина. Нахаёв происходил то ли из села Пятовск (находится в 9 км к северо-западу от города Стародуба), то ли из села Дедов (в 8 км к юго-востоку от Стародуба), но до войны жил в Стародубе и считался чернорабочим [22, л.53, 38, 42; 18, с.344, 109]. Стародуб до 1918 г. был уездным городом Черниговской губернии, до осени 1918

г. входил в состав Украинской державы, ныне – райцентр Брянской области РФ. Когда после восстания Брянского гарнизона заинтересовались биографией Нахаёва, то сделали запрос в стародубскую чрезвычайную комиссию (ЧК, большевистская тайная политическая полиция и орган внесудебной расправы) и получили ответ: «Из данных дознания Стародубского Уездного Чрезвычайкома видно, что многие из членов семьи Нахаёвых занимались разными темными делами, что брат был расстрелян за грабеж и сам он (т.е. Захар Нахаёв. – Ю.С.) по профессии до службы и на службе вор и грабитель, о чем говорят буквально все свидетели при производстве дознания» [22, л.1] .

С такими замечательными качествами Нахаёв пришелся ко двору во 2-м Советском партизанском Таращанском полку, сформированном, согласно вышедшей в 1928 г. официальной полковой истории, в сентябре 1918 г. из «украинских партизанских отрядов, накопившихся на территории Сов[етской] России», в частности «из партизан Таращанского уезда, Киевского отряда Боженко и повстанцев Новгород-Северска» [51, с.17] . Однако с Таращанским полком не все так просто.

***

По опубликованным в разное время документам можно отследить путь от партизанского отряда Таращанского уезда до Таращанского полка. Так, 31 августа 1918 г. товарищ прокурора Уманского окружного суда Украинской державы по Таращанскому участку докладывал своему непосредственному начальству: «Повстанческое движение в Таращанском уезде до сего времени не может считаться окончательно ликвидированным, хотя в жизни уезда и наступило некоторое успокоение. После происшедшего 29-30 июля в районе м[естечка] Ставищ сражения с германскими войсками (немцы располагались на территории Украины вследствие заключенного большевистским правительством с Германией 3 марта 1918 г. так называемого Брестского мирного договора. – Ю.С.) главные силы повстанцев, предводителями коих были: прапорщик Гребенко, учитель Мозель, матрос Григоренко и подпрапорщик Баляс,— разбитые и теснимые, ушли из пределов Таращанского уезда через Васильковский уезд в направлении Полтавской губернии, и в уезде остались лишь отдельные малочисленные группы, продолжающие совершать убийства, разбои и грабежи» [34, с.310] . 7 августа 1918 г. киевский уездный староста сообщил старосте губернскому, что «переправившаяся четыре дня тому назад через Днепр в район Переяславского уезда, Полтавской губернии, банда повстанцев находится в настоящее время в том же уезде на расстоянии 18-20 верст от берега Днепра в селах Старое, Вишенки, Рудяки и Калинное. <...> Опросом... установлено, что банда сформировалась в районе Таращанского уезда численностью 1000 человек, именуется партизанским отрядом и имеет целью поднять общее восстание с целью изгнания германских войск и восстановления опять власти народа» [34, с.264] .

Наконец, 22 сентября 1918 г. приказом №26 находившегося на территории РСФСР всеукраинского центрального военно-революционного комитета объявлялось о формировании из пробольшевистских украинских повстанческих отрядов, расположенных «в нейтральной зоне и вблизи демаркационной линии», ряда военных частей. И, среди прочих, 1-й украинской повстанческой дивизии под командованием бывшего русского подполковника Николая Григорьевича Крапивянского (1889-1948), в составе: «1. 1-й полк Червоного казачества, командир т[оварищ] Примаков (в январе 1918 г. этот полк входил в состав 2-й революционной армии Ремнёва, так же, как и часть красноармейцев Брянского гарнизона начала 1919 г. – Ю.С.), при нем 3 конных сотни, кои в ближайшее время имеют быть доведены до полного людского и конского состава, и 1-2 пешая полевая батарея.

2. 2-й Таращанский полк — командир т[оварищ] Баляс, при нем 3 конных сотни и 2-я полевая пешая батарея.

3. 3-й полк имени Богуна — командир т[оварищ] Щорс, при нем 3 конных сотни и 1-я

полевая конная батарея. Примечание: Полк формируется в районе Унеча — Сураж — Брянск — из бывшего 1-го Днепровского отряда, бывшей 2-й сотни Червоного казачества, отряда с. Кулаги, отряда с. Разоренные Хутора и батальона т[оварища] Барабаша в Брянске. Командиру дивизии предоставляется право обратить батарею в пешую, передав лишний конский состав в конные части.

4. 4-й полк (бывший 1-й) повстанческий, командир т[оварищ] Кисель, при нем 3 конных сотни, 1 взвод легкой артиллерии, который в ближайшее время развертывается в батарею четырехорудийного состава. <...> Участок дивизии: демаркационная линия Сураж — Унеча — Стародуб—Новгород-Северск—Ивот—Зёрново—Глухов» [34, с.770, 344] . Участник тех событий, уроженец Нежина и бывший кронштадтский матрос Наум Точёный вспоминал в 1926 г.: «Крапивянский назначен был командиром дивизии и ему было поручено формирование всех беженцев не только из Нежинщины, но также из Черниговского, Городнянского и других уездов и губерний, например, из Киевщины. Принял он эту дивизию; публика вся аховая, не особенно любила подчиняться» [95, с.76] .

Рис.2. Станция Унеча в 1918 году. Кадр кинохроники.

Полк повстанческой дивизии, получивший вскоре (вместо «червоных казаков») 1-й номер, еще до процитированного выше приказа формировался рядом с демаркационной линией, разделявшей советскую Россию и Украинскую державу, на железнодорожной станции Унеча (до 1918 г. в Суражском уезде Черниговской губернии, сейчас – райцентр Брянской области). Стоит подчеркнуть, что со стороны Украины на позициях вдоль демаркационной линии находились также немецкие войска, ведь 1-я мировая война еще не закончилась. В качестве командира полка в Унечу в сентябре 1918 г. был прислан 23-летний бывший подпоручик Николай Александрович Щорс (1895 – 1919). 11 сентября 1918 г. на собрании большевиков и командного состава полка решили назвать полк Богунским, в честь предводителя украинских казаков середины XVII века Ивана Богуня. 12 сентября председатель революционного трибунала Богунского полка Петр Лугинец отправился в Брянск, заказывать полковую печать. Относительно снабжения полка поступили вообще просто – развесили по всем унечским заборам объявление: «Именем революции приказываем всему нетрудовому населению Унечи в трехдневный срок сдать 500 пар сапог в распоряжение командира полка. Революционный комитет поселка Унеча» [7, с.26, 27] .

63 65

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ / БОЛЬШЕВИКОВ

АНКЕТНЫЙ ЛИСТ

Фамилия ..... Хайкина

Имя ..... Фрума

Отчество ..... Сериковна

Возраст ..... 21 год

Семейное положение ..... девушка

Образование ..... домашнее

Профессия ..... в настоящее время в м.п. З.К. Ун. У.

Сколько времени работает в партии ..... с мая 1917 года

Состоит ли в каких нибудь в других организациях с какого времени и какие занимал посты когда и где ..... секретарей: Новозыбков, Цеволкаме, Оршанск. ст. г. м. узда, морозов. и гром. м. у. Воены. полит. м. у. Оршанск. район. и др.

Был ли репрессии и когда ..... с марта по 13 апр. 1918г. немецкий плен

Кто рекомендует в партию ..... плен

Адрес ..... пос. Унеча, взр. Тезникова

Подпись ..... Г. С. Райков

Рис.3. Анкетный лист Ф.Е.Хайкиной, заполненный во 2-й половине 1918 г. ЦДНИБО. Ф.П-6. Оп.1. Д.5. 08.04. – 21.12.1918. Л.63.

Секретарем унечской ЧК (называют ее также председательницей местной ЧК, комендантом или комиссаром Унечи) была тогда 21-летняя уроженка уездного города Черниговской губернии Новозыбкова (ныне райцентр Брянской области РФ) Фрума Ефимовна Хайкина по прозвищу «Ростова» (1897-1977). Своими садистическими выходками эта юная особа (позже она стала сожительствовать со Щорсом и вошла в историю как его жена) прославилась не только по месту службы. Дело в том, что Унеча была пограничной станцией, масса людей, в том числе и пишущих, уезжала через эту станцию из-под большевистского гнета на свободную пока Украину – и дальше, в Европу. Последнее решение: свобода или несвобода ждет беженцев, останется ли при них имущество или будет отобрано, а часто – жизнь им суждена или смерть, зависело от произвола «Хайки-чрезвычайки» или «Хай в кожаных штанах» (как звали ее местные). Недобрым словом, иногда прямо называя «зверем», поминают Хайкину в своих записках и такие известные писатели, как Надежда Александровна Тэффи (1872-1952) [96, с.222, 244, 249-250] или Аркадий Тимофеевич Аверченко (1880-1925) [1; 70, с.183-184], и менее известные литераторы, как, например, Владимир Александрович Амфитеатров-Кадашев (1889-1942) [2, с.515-518], княжна Зинаида Алексеевна Шаховская (1906-2001) [108, с.157-158, 107, с.32-33], мемуаристка Ольга Андреевна Листовская (урожденная Искрицкая, 1877 - после 1925) [64, с.3-18, 28, 30] ... У местных жителей тоже сохранилась о Хайкиной недобрая память [98, с.212]. Скажем, железнодорожник станции Унеча Ф.Т. Васеко вспоминал: «В то же время в Унече появилась с отрядом китайцев некто Хайкина, каковая своими суровыми мерами навела страх не только на спекулянтов и эмигрантов, но и на Богунский полк красногвардейцев (многих из солдат расстреляла)» [17]. О том же рассказывал в 2007 г. сын красноармейца Богунского полка, Василий Гермогенович Шпиньков из поселка Казащина Унечского района: «В поселке действовала ВЧК. Председателем ВЧК была Фрума Хайкина, еврейка. Говорят, что Иванов был, но наши партизаны говорят, что Фрума Хайкина верховодила. И если туда попал – читай, конец» [75, с.344].

И вот накануне 22 сентября 1918 г. двое красноармейцев-богунцев не явились на вечернюю поверку. Хайкина их разыскала и арестовала. В полку зароптали: «Капут нашим ребятам». И стали думать, как спасти товарищей. Особенно напряженно думали в пулеметной команде Кашеева, откуда был один из арестованных [75, с.344]. Тем временем в Унечу приехал официально еще не назначенный командир дивизии Крапивянский. Он провел, надо полагать, за пределами Унечи учения – видимо, 2-го батальона богунцев, наиболее большевизированного (или русифицированного?) подразделения полка. Батальоном этим командовал некто Зубов. На вечер были назначены, кажется, тактические учения. Все начальство собралось для этого в полковом политотделе, располагавшемся в железнодорожном пакгаузе [75, с.341; 7, с.28; 37].

Но к тому времени и пулеметная команда решила, как выволить арестованных Хайкиной сослуживцев. Богунцы выкатили пулемет к пакгаузу с заседавшим начальством и в 10 часов вечера дали по начальству очередь. Как рассказывал В.Г.Шпиньков: «Что делать? Любой ценой надо отвоевать хлопцев. И как раз было заседание штаба в Унече. Ну, вот ребята выкатили пулеметы и — на ”ура”. Но все же пулеметчик пожалел: очередь дал, но пули пошли выше. Иначе он бы покосил всех там. И все рванули кто куда бежать. А Щорс побежал к мосту железнодорожному, который за Унечей. И бежал он одна нога в сапоге, другая в калоше – у него одна нога раненая была. Даже в отхожее место увалился» [75, с.344, 341]. Хайкина тоже сбежала в Почеп (до 1918 г. – местечко Мглинского уезда Черниговской губернии, сейчас – райцентр Брянской области РФ) [75, с.345]. К 11 часам вечера богунцы из пулеметной команды, конной разведки и артиллерийской батареи разгромили унечскую ЧК, арестовали нескольких командиров, захватили штаб полка, заняли вокзал, телеграф, разгромили революционный комитет (ревком), разрушили железнодорожный путь [7, с.28-29]. Советский автор

Е.Марьенков, вполне в духе своего времени (1936 г.), говорит, что восставшие даже пригласили немцев и украинцев занять Унечу [67, с.97-98] ...

Однако в течение ночи командование Богунского полка сумело привлечь на свою сторону 2-й батальон Зубова и вызвать из Почепа 3-й батальон богунцев. Утром восстание подавили. Дольше всех сопротивлялась пулеметная команда, забаррикадировавшаяся в своей казарме. Часть мятежников (возможно, около 200 человек) разбежалась, часть была арестована. Главными заговорщиками ревтрибунал назначил служивших в полку русских офицеров Петрова и Недоливко, якобы организовавших «контрреволюционную группу» [7, с.29, 27; 75, с.345]. Ну, и как писал в 1987 г. автор газеты «Брянский рабочий», «провокация контрреволюционеров не удалась. По приговору ревтрибунала виновные были расстреляны» [37].

22 сентября 1918 г. на общем собрании коммунистов унечской организации российской коммунистической партии (большевиков) (в 1918 г. на своем 7-м съезде РСДРП(б) сменила название на РКП(б)), среди прочих вопросов, обсуждали мятеж в Богунском полку: «Товарищ Бессорабский - организатор и председатель Красной гвардии на Западных железных дорогах - докладывал о плохом поведении красноармейцев в Богунском полку. Постановили: Богунский полк разоружить. Предложить товарищам Бессорабскому, Щорсу, Левинсону, Брагинскому и отряду коммунистов послать сначала для переговоров, офицеров арестовать ночью» [7, с.29].

Но тут в игру вступил Таращанский полк. 3 октября с 8 часов вечера в Унече тянулось общее собрание местной организации РКП (б). Около 11 вечера член северо-западного областного комитета РКП товарищ Кронберг зачитывал доклад о созыве районной конференции РКП. В частности Кронберг говорил: «Специфические условия, в которых находится УНЕЧА, требуют отступления от положения Советской Конституции, ибо в противном случае в поселке была бы не революционная власть, а власть спекулянтов и мародеров»... В полдвенадцатого ночи «речь товарища КРОНБЕРГА прервана сообщением начальника железно-дорожной охраны товарища ВАЛОВИЧА о том, что из-под Стародуба на Унечу движется на выручку разоруженному Богунскому полку, совершенно разложившийся Таращанский полк, от которого бежал командный состав. Полк движется с определенной целью расправиться с революционной властью и разгромить поселок. Сообщение вызывает сильный подъем духа, возбуждение среди присутствующих. Решено принять самые решительные меры для должного отпора контр-революционным бандам. Телеграфно затребовать вооруженные силы из Брянска и Почепа, послать разведку парламентариев для воздействия на полк и объяснения истинной причины разоружения Богунцев. Всем коммунистам стать под ружье и до конца отстаивать революционную власть и порядок. Собрание прервано...» [101, л.4-4об; 99, л.15об; 100, л.12, 13]

6 октября 1918 г. газета «Известия Бежицкого Революционного Совета» (ныне Бежица – район города Брянска) опубликовала сообщение, отправленное из находящегося примерно в 80 км от Бежицы местечка Почеп 4 октября: «Согласно донесению стародубского уездного военного комиссара, 2-й Таращанский украинский полк перешел за демаркационную линию в районе Стародуба. Командный состав полка и представители заявили, что они больше не желают подчиняться буржуазному правительству Украины и отдаются в распоряжение Советской власти» [97]. Возможно, в этой странной заметке своеобразно отражена развязка мятежа таращанцев. По крайней мере, спустя месяц после бежицкой заметки, 9 ноября 1918 г. украинская газета «Южный край» рассказывала: «В районе прежних боев – у Стародуба и Новгород-Северска большевики сейчас имеют ничтожные силы. Кроме того, здесь произошла междуусобная (так!) драка между великорусскими и украинскими большевиками, так называемая "таращанская красная дивизия" отказалась признавать распоряжения центральных советских властей и начала производить "операции" самостоятельно. Никакие увещания комиссаров не помогли и в настоящее время из центральной России прибыли на станцию Унеча красноармейские части для укрощения "таращанцев". С обеих сторон ведется правильное наступление.

В районе Унеча-Погар все время слышны орудийная и пулеметная стрельба» [75, с.342] . Известно, по крайней мере, что для усмирения Таращанского полка посылали осенью 1918 г. брянских чекистов [85, с.8] .

К 25 ноября 1918 г. 1-ю украинскую повстанческую дивизию переименовали в Особую повстанческую дивизию. Штаб дивизии разместили все на той же станции Унеча. Структура соединения при этом несколько изменилась: «В состав Особой повстанческой дивизии входят: Богунский полк — штаб полка — ст[анция] Робчик, Таращанский полк — штаб полка в районе Стародуба, [там же] штабные роты и команды... Также в районе Стародуба еще находятся: 1 батарея Богунского полка; 1 батарея Таращанского полка» [34, с.452-453] .

Тем временем Германия проиграла мировую войну и начала выводить свои войска с Украины. Против правительства Украинской державы, возглавляемого гетманом, генерал-лейтенантом русской службы Павлом Петровичем Скоропадским (1873 – 1945), восстали украинские социалисты во главе с бывшим военным секретарем (министром) Украинской народной республики Симоном Васильевичем Петлюрой (1879 – 1926). Красные ударом с территории России собирались, в свою очередь, занять раздираемую междоусобной войной Украину. И действительно, 5 декабря 1918 г. от Унечи части Особой повстанческой дивизии подошли к подконтрольному немцам и украинцам посаду Ардонь и предъявили ультиматум об очищении соседнего с ним посада Клиницы (ныне райцентр Брянской области) к 14 часам того же дня [3, с.130] .

6 декабря 1918 г. Особую повстанческую дивизию переименовали в 1-ю Советскую украинскую дивизию. В тот же день в командование дивизией вступил 30-летний венгр-большевик Иван Семенович Локотош (Локатош) [34, с.481] . Предыдущий начальник дивизии Крапивянский был отозван в Москву, где против него велось следствие. Политического комиссара дивизии вообще отдали под суд. Локтошу при этом предписали «выяснить виновных в неповиновении из командного состава и арестовать их для предания суду» [3, с.43] . 2-й Таращанский полк сменил за это время двух командиров – вместо бывшего фельдфебеля-подпрапорщика Баляса таращанцами командовал сперва некий товарищ Барон, а потом снова бывший фельдфебель Василий Назарович Боженко (1869 – 1919) [51, с.17] .

7 декабря 1918 г. Локотош докладывал Антонову-Овсеенко о положении дел на участке 1-й Советской украинской дивизии: «Дивизия находится в самом растрепанном, неорганизованном и беспорядочном состоянии. Настроение у большинства бандитское, отсутствует порядок и организация, отчетность как материальная, так и денежная аховски налажена... Сейчас прибыл в Стародуб. Военный комиссариат, и мы на заседании Ревкома постановили объявить мобилизацию людей и лошадей согласно декрета Совета Народных Комиссаров. Я это в спешном порядке устроил потому, что здесь было принято за обычай объявлять таковую полковыми и даже батальонными командирами, что я уже запретил под строгой ответственностью командного состава. Здесь имеются запасы муки и сахара, которые желательно как можно скорее направить в голодные наши края (т.е. вывезти с Украины в Россию. – Ю.С.). <...> В городе (Стародубе) осадное положение, буржуазия, захватив ценности, под прикрытием немцев бежала; немцы вообще хитрят, дают буржуазии вывезти и тогда сами оставляют район. Я отдал распоряжение до этого не допускать и во что бы то ни стало теснить. Новгород-Северск занят нами 4 декабря в 14 час[ов] дня, где то же самое по прибытии я навел порядок, расстреляв 7 человек бандитов на месте преступления. Расположение частей следующее: Новгород-Северский полк—в Новгород-Северске, Нежинская рота в Еленке (Елионке), сегодня занимает покидаемый немцами Воронок. Таращанский полк сегодня в 6 час[ов] утра выслал на направлении к Белому Колодезю пересечь железнодорожный путь между Клиницами и Новозыбковым, предварительно взорвав мост. Богунский полк, охватив с северо-западной стороны Клиницы, жмет их» [3, с.131] .

Тогда же командир 1-й Советской украинской дивизии Локотош в приказе предупреждал своих красноармейцев: «Всякие реквизиции продовольствия отдельными частями дивизии должны быть немедленно прекращены. Лица, нарушившие этот приказ, будут преданы суду по всем строгостям законов военного времени. Командному составу частей дивизии за всеми требованиями продовольствия, снаряжения, обмундирования и прочего обращаться в штаб дивизии» [34, с.481-482]. 8 декабря Локотош вызвал в Стародуб, в штаб дивизии командиров: Богунского полка Щорса, Таращанского — Боженко, Новгород - Северского — Черняка, Нежинского батальона — Несмеяна и Шестакова. На совещании новый комдив пообещал собранному командованию «предать военному суду за незаконные реквизиции, за насилие и грабеж — расстреливать на месте без суда. Военный суд — за самочинные мобилизации людей и лошадей» [3, с.132]. Благие пожелания...

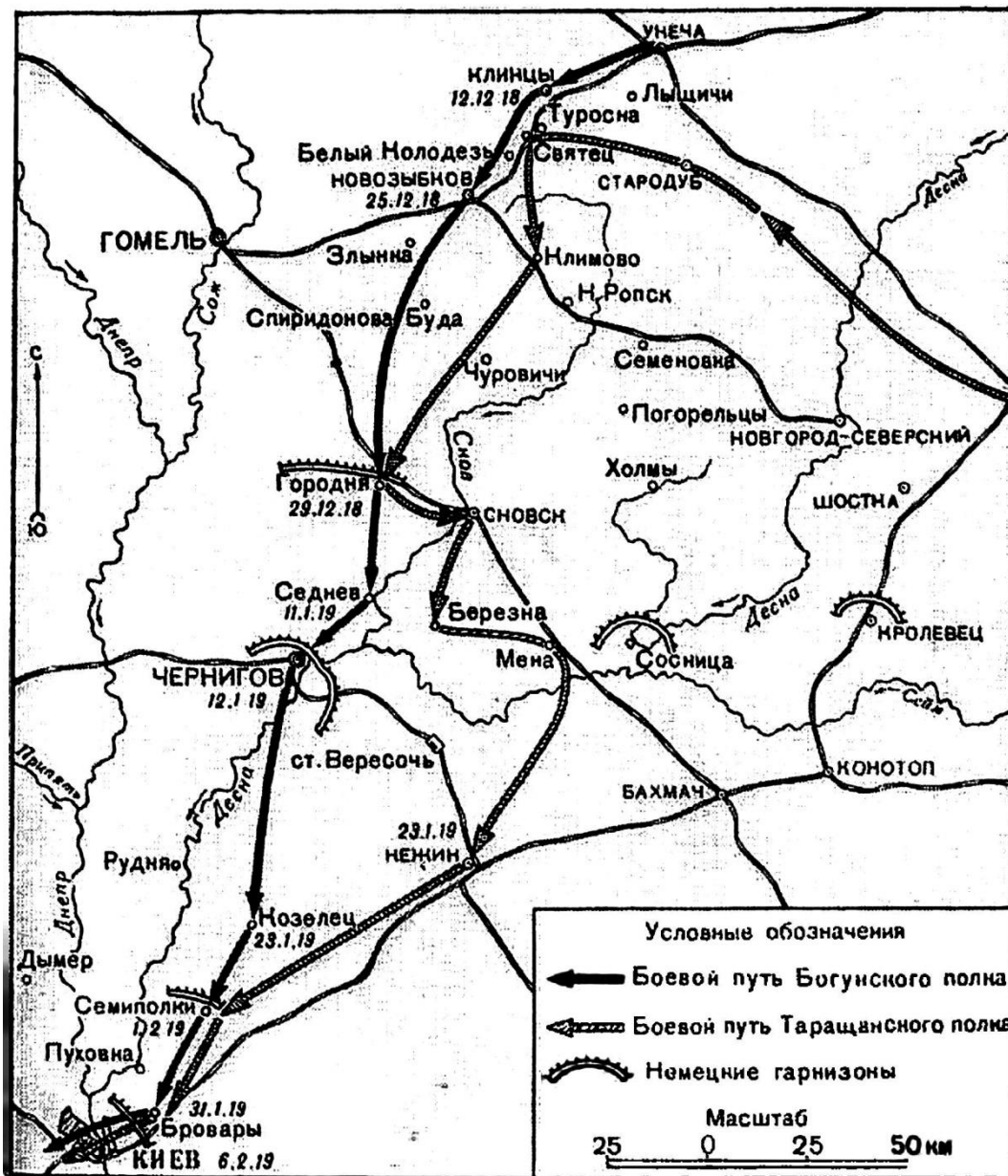

Рис.4. Схема похода Богунского и Таращанского полков на Киев. Ноябрь 1918 – февраль 1919 г. Из книги: Карпенко В.В. Щорс. М., 1974. (Жизнь замечательных людей. Серия биографий. Вып. 536.)

Вскоре Клинцы были красными заняты. Как сообщал начальству политкомиссар повстанческой дивизии: «Войска встречены местными рабочими; с красными знаменами. <...> ...с хлебом-солью, с оркестром. Наши солдаты держали себя великолепно. Избран Ревком» [3, с.134, 135]. В обозе Богунского полка в Клинцы притащилась и знакомая нам по Унече Фрума Хайкина. О ее художествах на новом месте так рассказывал клинцовский краевед Павел Максимович Храменко: «По воспоминаниям моих близких и знакомых людей старшего поколения, после освобождения Клинцов от немцев и гайдамаков (советское жаргонное название военных сначала Украинской народной республики, позже – Украинской державы. – Ю.С.) революционный порядок в посаде устанавливала жена Щорса – Фрума Хайкина (Щорс). Это была решительная и смелая женщина. Она разъезжала в седле на лошади, в кожаной куртке и кожаных штанах, с маузером на боку, который при случае пускала в дело. Ее называли в Клинцах “Хая в кожаных штанах”. В ближайшие дни под ее началом выявили всех, кто сотрудничал с гайдамаками (т.е. с гетманским режимом, правившим Украиной во время немецкой оккупации в 1918 г.) или сочувствовал им, а также бывших членов Союза Русского Народа (СРН) и расстреляли на Ореховке, на поляне за Гор[одским] садом. Несколько раз поляна обгадрялась кровью врагов народа. Уничтожалась вся семья, не щадили даже подростков. Тела расстрелянных людей были похоронены слева от дороги на Выюнку, где в те годы заканчивались дома посада» [98, с.212].

7 декабря весьма немногочисленные части 1-й Советской украинской дивизии разместились на территории Украины следующим образом: штаб дивизии вместе с Нежинским полком (310 штыков, 80 сабель, 6 пулеметов и 2 орудия) находились в Стародубе, Богунский полк в составе 1100 штыков, 100 сабель, 15 пулеметов и 3 орудий – в посаде Клинцы, Таращанский полк, состоявший из 400 штыков, 150 сабель, 20 пулеметов и 2 орудий, стоял в слободе Елионка Стародубского уезда [34, с.490-492]. В разведывательной сводке гетманского штаба от 10 декабря 1918 г. Богунский полк оценивался так: «В батальонах по 150—200 человек, дисциплина слабая, патроны без толку расстреливаются». Тогдашний командующий красным Украинским фронтом Владимир Александрович Антонов-Овсеенко (1883 – 1938), цитируя этот отзыв, замечает: «Эта сводка... дает довольно точную картину...» [3, с.87, 88] 14 декабря в 1-ю Советскую украинскую дивизию прибыл новый политкомиссар И.Д.Панафидин, тотчас телеграфировавший в политотдел фронта: «Части раздеты, три месяца не получают жалованья, что служит источником нежелательных явлений» [3, с.134]. 23 декабря Панафидин вновь сообщал командованию Украинским фронтом: «Настоятельно необходимо обмундирование, отсутствие его вызывает много нехорошего». Антонов-Овсеенко замечал по этому поводу: «Недостаток обмундирования в 1-й дивизии был действительно вопиющим. В Богунском полку были случаи замерзания часовых на посту...» [3, с.135].

Всего в 1-й Советской украинской дивизии тогда насчитывалось 2410 штыков, 410 сабель, 76 пулеметов и 11 орудий. Командование «для удобства управления и для уничтожения духа партизанщины» [3, с.43] переформировало дивизию в бригаду. 1-й Советский украинский полк этой бригады получился в результате слияния Богунского и Нежинского пехотных полков, 2-й Советский украинский полк получился из Таращанского и Новгород-Северского (600 штыков) пехотных полков. При этом 1-й полк сосредоточили в Стародубе, а 2-й – в Новгород-Северском [34, с.490-492]. В начале января 1919 г. политическая инспекция обследовала части 1-й Советской украинской бригады и признала необходимым, среди прочего, «подтянуть политработников для борьбы с бесчинствами, ...срочно переформировать 2-й советский (Таращанский) полк, главным образом 1 батальон, в котором особенно много элементов, склонных к бандитизму, ...урегулировать снабжение...» [3, с.136].

В официальной истории Таращанского полка рассказывается: «Первые бои по переходе границы начались с петлюровскими частями в районе Стародуб - Городня.<...> Январь и фев-

раль 1919 года — это месяцы непрерывных боев и побед над врагом. Петлюровцы в панике бежали, оставляя в наших руках громадные трофеи, в виде оружия, обоза и скота. Насильно мобилизованные крестьяне Петлюрой целыми частями переходили на сторону тарашанцев. Население восторженно встречало избавителей. К концу февраля полк из двух батальонов вырос в три батальона и кав[алерийский] эскадрон, имея шесть орудий и 1 бронепоезд. Полк уже насчитывает 3000 бойцов. Совместно с богунцами были взяты: Чернигов, Сосница, Нежин. <...> Заняв село Дымерку, Гоголев и м[естечко] Бровары, тарашанцы совместно с богунцами повели общее наступление на Киев» [51, с.18-19] .

После взятия Чернигова командующий Украинским фронтом Антонов-Овсеенко вызвал командира 1-й Советской украинской бригады для «крупного» разговора. «Командукр» (так Антонов себя называл) высказывал Локотошу следующие претензии: «Вы и ваш штаб позволили себе целый ряд поступков, роняющих доброе имя советской армии и дезорганизующих общую советскую работу. Во-первых, штаб 1-й дивизии производит самостоятельно мобилизацию. Ставится вам также на вид совершенно недопустимый, практикуемый в частях дивизии, способ укомплектования последних. Оно у вас производится путем немедленного включения в ряды дивизии сдающихся петлюровцев и примыкающих добровольцев из населения. Прием первых возможен только после тщательного отбора... Крайне запустив свой аппарат снабжения, штаб довел полки дивизии до необходимости питаться "подножным кормом", т. е. путем реквизиций и прямым грабежом. <...> Командирам полков и штабу 1-й дивизии (т.е. бригады. — Ю.С.) напоминает также, что захватываемая частями воинская добыча отнюдь не может являться собственностью данного полка или дивизии. Всему захваченному должен вестись строгий учет как имуществу нашей советской республики» [3, с.137] .

4 февраля 1919 г. Антонов-Овсеенко накануне взятия Киева устроил красным войскам смотр. «В Броварах производился осмотр частей 1-го (Богунского. — Ю.С.) полка. Подорванный кашель плохо обмундированных красноармейцев заглушал краткую приветственную речь командующего украинской армии», — вспоминал «командукр» [3, с.159] . Возможно, в связи с этой непрезентабельной картиной уже 5 февраля 1919 г. центральное управление снабжения Красной армии распорядилось «отпустить для 2-го Тарашанского полка 1-й Украинской дивизии летнее белье 2000 комплектов, ватных шаровар и телогреек по 2000 штук», а также «1) пулеметных лент "Максима" — 50 лент; 2) бомбометов — 3; бомб — 300 шт.; 4) минометов — 1; 5) мин — 60; 6) револьверов — 20 шт. Патронов к ним по 21 шт. на каждый» [34, с.607] .

Вскоре выяснилось, что Петлюра решил не оборонять Киев и увел свои войска из города. Красные вошли в Киев 6 февраля 1919 г. около 10 часов утра [3, с.160, 162] . Несмотря на то, что никакого боя не было, в награду за взятие Киева 1 и 2-й Советские украинские полки получили почетные знамена и вернули себе «исторические» наименования Богунского и Тарашанского. Полковых командиров - Щорса и Боженко - наградили почетным оружием [34, с.610] .

Все это было, конечно, приятно, однако тарашанцы, во-первых, полностью вошли во вкус «самообеспечения», а во-вторых, принялись массово дезертировать из своей только что прославленной части. Причем ловить красных дезертиров пришлось... петлюровцам. Так, 9 февраля Антонов-Овсеенко поставил на вид Локотошу : «Получено сообщение, что тарашанцы уходят в Тарашу; ат[аман] Зеленый мне сообщил, что уже им задержано таковых до 50 чел[овек], уходящих без бумаг, якобы в отпуск» [3, с.264] . Дело в том, что 11 февраля тарашанцев и их коллег должны были отправиться на боевые позиции, чего, видимо, красноармейцам не хотелось вовсе.

Еще одна часть Тарашанского полка 9 февраля появилась в городе Белая Церковь. Вот что об этом рассказывают очевидцы: «Приход советских войск в Белую Церковь не внес... успокоения в среду еврейского населения. Первым пришел 6-й Тарашанский полк (полк не-

сколько раз менял порядковый номер, что вообще характерно для красных частей. Так, в 1928 г. он был аж 131-м полком - Ю.С.), который героически сражался на фронте, но в массе своей совершенно не был свободен от антисемитизма. В полку имелись также и бандиты, бывшие петлюровцы, которые, находясь в рядах советской армии, искали случая пограбить. Этот полк был расположен по частным квартирам, и поведение большинства было в высшей степени вызывающее. По улице довольно часто снимали с прохожих одежду и обувь, не разбирая ни пола, ни возраста. Стучались по ночам в квартиры, предлагая "угостить чаем и ужином". Зачастую угощение переходило в самоугощение и на прощанье забирали у гостеприимного хозяина на его же глазах все, что попадалось под руку» [56, с.235]. Забегая вперед, скажем, что в марте 1919 г. все эти «прелести» в полной мере вкусили жители окрестностей Брянска. И, к слову, еще весной 1919 г. в Белой Церкви находились 500 человек «тарашанцев невооруженных ненадежных» и караульная тарашанская местная рота численностью в 150 штыков [4, с.165].

Рис.5. Н.А.Щорс на белом коне и в сопровождении своих конвойцев входит в Киев 6 февраля 1919 г. Рядом со Щорсом (верхом, в фуражке и кожанке – вероятно, Ф.Е.Хайкина). Кадр кинохроники.

Около 25 марта 1919 г. большевистский народный комиссар по военным делам Лев Давидович Бронштейн по прозвищу «Троцкий» предупреждал Антонова-Овсеенко: «Действия бандитические и применение вооруженной силы там, где это не вызывается исключительными обстоятельствами или крайней необходимостью, с точки зрения Наркомвоена ни в каком случае недопустимы» [3, с.186]. Проведенное тогда красным политическим руководством обследование частей на Украине, среди прочего, показало, «что по всему пути прохождения 2-го Тарашанского и Богунского полков и 1-й советской дивизии проводилась энергичная антисемитская агитация. Особенный успех имеет она у политически темных украинцев, которых натравливают на ЧК» [3, с.187]. 1 апреля Антонов-Овсеенко, выслушав доклад военной и чрезвычайной следственной комиссий, приказал: «Расследовать факты отказа в приеме евреев в Красную армию и виновных предать суду Трибунала (известны такие случаи в Тарашанском и 5-м кавалерийских полках)» [3, с.288-289]. Несмотря на все эти грозные предупреждения и расследования, 5 июля 1919 г. в местечке Теофиполь Волынской губернии 4-й и 5-й Тарашанские полки вместе с окрестными крестьянами устроили такой еврейский погром, по сравнению

с которым погром в Белой Церкви кажется только «цветочками». В Теофиполе красноармейцы убили 88 человек, 100 ранили, 20 изувечили, изнасиловали 65 женщин [56, с.504] ...

Здесь следует объяснить, откуда взялось несколько Таращанских полков. С 6 марта 1919 г. 1-й Советской украинской дивизией командовал Щорс. Его предшественник Локотош по уже сложившейся традиции был 7 марта арестован «за неисполнение оперативного приказа и за недостойное поведение как командира и коммуниста» [3, с.276] . К апрелю численность дивизии значительно выросла, вследствие чего провели реорганизацию соединения. В частности, появилась 2-ая Советская Таращанская бригада под командованием Боженко. В ней первоначальный Таращанский полк (командир – Калинин) получил номер 4-й, а на основе 4-го батальона полка и части пеших разведчиков сформировали 5-й Таращанский полк (командир Кабула). Кроме того, в бригаду вошел 6-й Волынский полк, созданный из волынских повстанцев и бывших военнослужащих армии Украинской народной республики, т.е. петлюровцев. 15 августа 1919 г. 1-ю Советскую украинскую дивизию влили в состав 44-й стрелковой дивизии, которой до своей смерти 30 августа того же года командовал Щорс. 2-й Советской Таращанской бригаде, которой после смерти Боженко 21 августа 1919 г. стал командовать Калинин, устроили в связи с этим еще одно переформирование. В ее состав влилась 15-я пограничная бригада, сформированная в 1918 г. преимущественно из москвичей. Таким образом, 2-я Советская Таращанская бригада была переименована в 131-ю Таращанскую, ее 4-й Таращанский полк стал 391-м (командир Дотоль), 5-й – 392-м (командир Кабула) и 6-й – 393-м (командир Дерекрю) Таращанскими полками [51, с.22-23, 25] .

Соответственно, Богунская бригада стала 130-й, а ее полки – 388, 389 и 390-м Богунскими. Вот что говорилось о настроении красноармейцев этих переформированных частей в сводке, составленной в середине августа 1919 г. политуправлением 12-й советской армии, куда «щорсовская» дивизия входила: «388-й полк. Настроение полка в боевом отношении хорошее, в политическом скверное. Сильно развит бандитизм. <...> 389-й полк... Разлит в сильной форме бандитизм и антисемитизм. Красноармейцы в Сарнах в течение нескольких дней грабили население, забирали все у крестьян... Принимаются меры к укрощению бандитского элемента» [105, с.98-99] . В «щорсовской» дивизии красноармейскую пятиконечную звезду вполне открыто называли «еврейским знаком», а красноармейцы Нежинского полка и вовсе посрыгали «красные звезды с фуражек, призывая богунцев и таращанцев сделать то же самое» [105, с.99] .

Интересно, что коммунистические власти Украины временами доводили ситуацию с таращанцами до критического предела. Так, около 10 апреля 1919 г. киевские чекисты убили жену командира Таращанской бригады Боженко. Тот отбил по начальству телеграмму: «Жена моя социалистка 23 лет. Убила ее ЧЕКА г. Киева. Срочно телеграфируйте расследовать о ее смерти, дайте ответ через три дня, выступим для расправы с ЧЕКОЙ, дайте ответ, иначе не переживу. Арестовано 44 буржуя (кажется, можно догадаться и о национальности этих «буржуев». – Ю.С.), уничтожена будет ЧЕКА» [4, с.163] . С большим трудом удалось отговорить Боженко от похода на Киев. А через месяц, 16 мая, телеграмму Антонову-Овсеенко прислал уже сам командир 44-й стрелковой дивизии Щорс: «Положение серьезное, отлагательства не терпит, солдаты волнуются, начинаются грабежи, давайте скорее хлеба, иначе вспыхнет голодный бунт. Прошу ответа № 1123. Начдив 1 Шорс, начснабдив 1 Тищенко, политкомдив Исакович, военком Гольдштейн» [4, с.273] .

11-19 мая 1920 г. красноармейцы «коренного» 391-го Таращанского полка в местечке Корсунь Каневского уезда устроили очередной погром: «Еврейское население м. Корсуня пострадало поголовно в количестве около 500 семейств, а русского — 20 семейств. За 23 и 24 мая следственная комиссия зарегистрировала 184 заявления и жалобы пострадавших, 20 раненых, из коих 3 умерли от ран и случая изнасилования» [56, с.358-359] . Причем, с позволения ска-

зять, «инструментарий» погрома был у тарашанцев отработан к тому времени основательно: «Многие врывались в дома с криками: ”Жи́ды-коммунисты, где спрятал оружие? Давай деньги!” Грабили положительно всё-всё; что не могли забрать с собой — ломали и разбивали.<...> старика и старуху Брачик раздели догола, сняв у них даже рубахи, и избивали их; ...у красноармейца Фельдмана Хаима, несмотря на то, что он показал свои документы, что он в отпуску, сняли сапоги, причем порвали его документы, крича ему ”коммунист”, забрали также 800 руб. керенками (купюрами Временного правительства России, правившего до 25 октября 1917 г. – Ю.С.) и ранили его в правую руку; ...у Петрушанского, раненого белогвардейскими бандитами, красноармейцы пытались выбить прикладами две золотых коронки; ...у водовоза старика Хромова И.А. красноармейцы забрали последние пожитки и изнасиловали его 18-летнюю дочь на глазах у родителей...» [56, с.359]

Из этой несколько затянувшейся, стоит признать, справки можно понять, какой «боевой» опыт стоял за плечами у значительной части мужиков-красноармейцев, попавших к марту 1919 г. в запасные части Брянского гарнизона. И, в частности, какой опыт имел красноармеец Захар Нахаёв.

***

Красноармеец-тарашанец и стародубский мужик Нахаёв, немало, вероятно, поживившись в Киеве, Белой Церкви и на других «этапах боевого пути» Тарашанского полка, вернулся домой, в Стародуб, прямо как был, при полной, что называется, выкладке. 10 февраля 1919 г. начальник стародубской уездной милиции выписал дезертиру-тарашанцу такое удостоверение: «Дано сие удостоверение солдату 2 тарашанского-партизанского полка товарищу Захарию Васильевичу Нахаёву, в том, что мною, Начальником Милиции, у него отобрана русская трехлинейная винтовка за №16/292 и кавалерийская пашка за №19, что подписью и приложением печати удостоверяется. Оружие отобрано в виду того, что у него нет удостоверения на право ношения» [22, л.68] . Ну, а к марту Нахаёва снова мобилизовали в Красную армию и направили в Брянск, в 34-й запасный стрелковый полк.

Под статью 28-летнему Нахаёву был и 27-летний красноармеец 2-й роты 35-го запасного стрелкового полка Василий Максимович Алексейцев из села Акуличи, одного из волостных центров Брянского уезда. Неграмотный Алексейцев был женат, имел двоих детей и судился за кражу. Односельчанин охарактеризовал его так: «Поведения он плохого и, как мне кажется, еще при старом режиме он сидел за кражу в тюрьме; его родной отец отказался от него...» [23, л.10] О своей служебной карьере Алексейцев поведал на допросе 23 мая 1919 г.: «Раньше я до марта месяца служил в Брянском Караульном Батальоне и 11-го марта был прислан по мобилизации в 34 (35) полк...» [23, л.10] То есть человека с криминальным прошлым большевики взяли на службу в правоохранительное подразделение, каковым караульный батальон и являлся.

Были в красноармейских частях Брянска и совсем молодые крестьянские парни. Например, 21-летний красноармеец 3-го запасного батальона Федор Николаевич Блинов из деревни Шведчиковы Дворы Стрелецкой волости Севского уезда, тогда – Орловской губернии [21, л.4] , ныне – Брянской области. Или земляк и ровесник предыдущего, Ефим Васильевич Алекашин, малограмотный уроженец Чемлыжской волости Севского уезда, рассказывавший о себе 20 марта 1919 г.: «Состоял в с. Чамлыже в партии большевиков в 1918 году, теперь нигде не состою в партии, состою в 35 стрелковом полку, прибыл из г. Севска» [21, л.8] . В 9-й роте 34-го полка служил 19-летний крестьянин Орловского уезда Василий Никитич Ветров [21, л.9] . 24-летний «сочувствующий коммунистам» грамотный и женатый крестьянин д. Старого Каплина Госамской волости Брянского уезда Иосиф Михайлович Волынцев только 11 марта 1919 г. «вступил в ряды Красной армии и назначен в 35 полк, куда и прибыл 11-го же вечером» [21, л.7] . Волынцеву не удосужились даже выдать военную форму и он щеголял в крестьянской тужурке [21, л.7об] ...

Вообще, как можно понять из посвященных событиям марта 1919 г. в Брянске документов, которых не так уж много сохранилось в Государственном архиве Брянской области, большую часть личного состава 3-й стрелковой «брянской» бригады составляли крестьяне сел и деревень, входящих теперь в состав этой самой Брянской области. Например, служивший в 34-м полку «с самого формирования» 24-летний красноармеец хозяйственной роты Федор Прохорович Володин был беспартийным жителем поселка Жуковка Брянского уезда. Ушедшие вместе с Володиным из Брянска 14 марта 1919 г. красноармейцы 35-го полка жили в Трубчевском уезде практически по соседству: Тарас Танашев был крестьянином д. Чертовичи, а Владимир Мищенко крестьянствовал неподалеку от железнодорожной станции Выгоничи. Их товарищ Василий Конурин из 7-й роты 34-го полка был крестьянином Семичковской волости того же Трубчевского уезда... Прибился к этой компании земляков и красноармеец 35-го полка Косенко из Елецкого уезда Орловской губернии [22, л.53] .

3. «ВОЕНКОМБРИГ-3» АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ЖИЛИН. ПРОЗА КОМИССАРСКОЙ ЖИЗНИ

Рис.6. Красноармейцы Брянского гарнизона и жители города 17 апреля 1919 г. ГАБО.

Командный состав брянской 3-й стрелковой бригады можно назвать своеобразным, поскольку первую скрипку играли здесь не строевые командиры, а политические комиссары. То же было и в других частях Брянского гарнизона, начальствовал над которым в интересующее нас время военный, опять-таки, комиссар Потапин [25, л.318об, 319; 28, л.573] . Интересно, что подчинялись эти комиссары не военному ведомству, а народному комиссариату по внутренним делам (НКВД). Одну из важнейших вершин брянской военно-властной вертикали занимал военный комиссар 3-й бригады («военкомбриг-3», как он себя называл) 25-летний Александр Иванович Жилин (1894–1919). Жилин принадлежал к мещанскому сословию. Он родился в Гомеле, в семье обер-кондуктора Либаво-Роменской железной дороги. После смерти отца Жилин вместе с матерью переехал в Петроград. Будущий «военкомбриг-3» окончил начальную школу, после чего занимался самообразованием и посещал школы вечерние. С 11 лет втянулся в революционное движение, «распространял агитационную литературу», то есть подрабатывал мальчишкой-газетчиком. Позже работал слесарем и столяром на дому и в частных мастерских. С началом 1-й мировой войны 20-летний Жилин был мобилизован в армию и получил «теплое местечко» солдата-оружейника в 13-й роте 1-го запасного пулеметного полка, квартировавшие-

го в г. Ораниенбауме под Петроградом [58; 74, с.73; 14, с.82] . Пулеметный полк был учебной частью, «учебкой», готовившей пулеметчиков для всех фронтов. К февралю 1917 г. в полку служили 19 с половиной тысяч солдат, на вооружении которых состояло около полутора тысяч пулеметов и 5 тысяч винтовок [15, с.384] . Не поживиться от такого богатства Жилин не мог – и начал снабжать казенным оружием заинтересованных лиц, прежде всего боевиков практиковавшей террор партии социалистов-революционеров (эсеров): «Неоднократно ночью из расположения полка провозил в организацию С.-Р. пулеметы и патроны» [58] . Одновременно Жилин создал в полку внефракционную революционную солдатскую организацию.

27-28 февраля 1917 г. солдаты 1-го запасного пулеметного полка, не желавшие идти на фронт, подняли в Ораниенбауме мятеж и вооруженные явились в Петроград, где способствовали государственному перевороту. Жилин был одним из инициаторов ораниенбаумского мятежа, в ходе которого получил ранение в ногу [15, с.384; 74, с.73] . Вскоре Жилина избрали в полковой комитет, в солдатскую секцию исполнительного комитета петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, а еще и помощником командира обосновавшегося в Петрограде в качестве главной вооруженной революционной силы 1-го пулеметного полка [15, с.165, 384]. Кроме того, в марте 1917 г. Жилин вступил в большевистскую фракцию Российской социал-демократической рабочей партии и возглавил большевистскую ячейку в своем полку [58].

Уже 24 марта на заседании петросовета Жилин требует от Временного правительства выхода из мировой войны [77, с.550] . Позже, когда Временное правительство стало задумываться о расформировании такого вооруженного очага постоянной напряженности в столице, каким стал 1-й пулеметный полк, Жилин заявил на одном из полковых митингов: «Нас Временное правительство расформировать не может, а мы его можем» [14, с.84] . Свое нехитрое и, вместе с тем, замечательное политическое кредо солдат воюющей армии Жилин изложил 8 апреля 1917 г. на заседании солдатской секции петроградского совета рабочих и солдатских депутатов. Относительно распоряжений высшего командования, в частности главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала от инфантерии Лавра Георгиевича Корнилова (1870 – 1918), Жилин говорил так: «Вопрос о верховном командовании. Приказы издаются им под нашим носом. Хорошо, что мы Корнилова не слушаем». Относительно воинской присяги – еще лучше: «Почему комиссии позволили такую неправильность, как присяга?» Относительно объявленного Временным правительством, в том числе и для обеспечения солдат денежным довольствием, военного займа: «"Нужен заем". А зачем он нужен? Нужно реквизировать у буржуазии золото...» Об отправке на фронт пополнения, в чем собственно и состояло предназначение «жилинского» 1-го пулеметного полка, этот деятель заявлял: «Офицеры говорят: "как бы это солдат отправить на фронт". Без Совета этого делать нельзя». И если законному начальству Жилин, как мы видим, полностью отказывал в подчинении, то власть свою и себе подобных желал видеть абсолютной: «Наши постановления должны приниматься беспрекословно... Надо требовать, чтобы наш контроль был везде» [68, с.78] .

И позже главной линией поведения Жилина как военного и политического деятеля было демонстративное противостояние любым распоряжениям военных и государственных властей России. Скажем, когда в июне 1917 г. на русском фронте 1-й мировой войны готовилось большое наступление, 1-й пулеметный полк, конечно же, замитинговал: «Большевики Лашевич и Жилин говорили при единодушном одобрении всего полка, что Пулеметный полк никогда в наступление не пойдет» [78, с.309] . 3 июля 1917 г. Жилин принял участие в неудавшейся попытке государственного переворота, устроенного большевиками. В тот день он был в числе тех, кто привел 1-й пулеметный полк к Таврическому дворцу в Петрограде. По заключению Особой следственной комиссии: «Жилин Александр 13-й роты, принадлежа к коллективу большевиков полка, организовал коллектив и стоял во главе его; постоянно призывал к недо-

верию Временному правительству и к свержению его..., и 3 июля фактически руководил восставшей 13-й ротой...» [14, с.84]

В Таврическом дворце располагались Государственная Дума, петроградский совет и его центральный исполнительный комитет (ЦИК). Жилин со своими солдатами два дня осаждал эти высшие в России законодательные, исполнительные и представительские учреждения. Вот как вспоминал об этом член бюро исполкома петросовета социал-демократ меньшевик Владимир Савельевич Войтинский (1885 – 1960): 3 июля «около 6 часов вечера полки, батальоны, отдельные команды стали выходить из казарм на улицу — все при оружии, все под красными знаменами и плакатами с большевистскими лозунгами. Раньше других выступил 1-й пулеметный полк, угрозы которого "раскассировать" нас вооруженной силой я привел выше. Выйдя на улицу, полк построился поротно и двинулся к Таврическому дворцу. Что было в головах солдат-пулеметчиков и их руководителей, с какими мыслями шли они через город, — сказать трудно. Но когда в 10-м часу вечера полк подошел к Таврическому дворцу, солдаты шли в ногу, строго сохраняя равнение в рядах, соблюдая четкие промежутки между ротами. Остановившись перед колоннадой дворца, полк потребовал к себе представителей Исполнительного комитета. Вышли Чхеидзе и я. Чхеидзе был без голоса и не мог говорить, пришлось мне держать речь к полку. Около 1-й роты суетился унтер-офицер (на самом деле рядовой солдат. – Ю.С.) Жилин. Он махал руками, кричал, призывал товарищей к порядку и казался предводителем манифестации. Я спросил его, что означает появление полка перед местом заседаний Центрального исполнительного комитета и почему солдаты, вопреки требованиям Комитета, вышли на улицу при оружии. Унтер ответил, что полк взволнован слухами о том, что Исполнительный комитет хочет снова устроить коалицию с буржуазией. Солдаты на это не согласны, довольны они натерпелись. Теперь революция и свобода, а потому полк требует, чтобы Исполнительный комитет взял власть в свои руки. Унтер говорил вполне корректно, его поддерживали из ближайших рядов» [16, с.167-168] .

Конфликт обострился 4 июля, когда к Таврическому дворцу пришли поддержавшие большевистский путч матросы-кронштадтцы. На следующий день хозяевами Петрограда стали верные Временному правительству войска. 8 июля 1917 г. 1-й запасный пулеметный полк был разоружен прямо на Дворцовой площади в Петрограде, 45 чинов полка, в том числе Жилин, арестованы. Петроградские батальоны полка расформировали, солдат и офицеров отправили на фронт и в провинцию. 3-й батальон пулеметчиков частично сохранили – и он стал одной из военных опор большевиков до начала 1918 г. [15, с.384-385]

23 августа 1917 г., когда министр-председатель Временного правительства Александр Федорович Керенский (1881 – 1970) объявил заранее оговоренную с ним переброску войск в Петроград главнокомандующим Русской Армией генералом от инфантерии Корниловым мятежом, содержащиеся на гауптвахте 2-го комендантского управления в Петрограде большевики, арестованные за участие в путче 3-4 июля, обезоружили караул и вышли на свободу. Среди «самоосвободившихся» был и Жилин. Вся эта публика явилась в военный отдел петросовета и заявила о своем желании воевать с Корниловым. О военных подвигах Жилина на этом поприще ничего не известно, зато 13 сентября на экстренном заседании солдатской секции исполкома петросовета, созванном по требованию большевиков, Жилина и еще девятерых большевиков, избрали в члены исполкома петросовета. Причем скандал вокруг кандидатуры Жилина, фактически и юридически – беглого государственного преступника, длился больше недели [78, с.366; 87, с.207] .

Сразу после большевистского переворота Жилин недолгое время был комиссаром Луги, потом помощником коменданта и комиссаром Главного интендантского управления в Петрограде. В ноябре Жилина назначили комиссаром гомельского совета по гражданской части [15, с.165] . Вот что писали об этом периоде деятельности Жилина «Известия Брянского уездного

исполкома советов» 18 марта 1919 г.: «Передают, что еврейское население было ему очень благодарно, видя в нем своего защитника от хулиганствующих черносотенных банд. Наступление немецко-польских банд на Гомель вынудило А[лександра] И[вановича] принять на себя обязанности командующего 1-ой революционной армией Западного фронта... В одном из сражений с поляками тов[арищ] Жилин был ранен» [58]. Командующим армией Жилин, если верить брянской газете, являлся с марта по май 1918 г., потом до июня 1918 г. был комиссаром Петровской дивизии на Урале. После этого Жилина понизили еще раз – видимо, жилинские таланты по разложению войск не уступили место более конструктивным навыкам – и он стал комиссаром 1-й бригады 2-й Орловской дивизии, а в ноябре 1918 г. – комиссаром брянской 3-й бригады 4-й стрелковой дивизии. Любопытно, что Жилин имел литературные амбиции: «Был сотрудником местной (брянской) газеты "Известий" и в свободные минуты работал над историей русской революции 1917 – 1919 годов» [58]. То есть уже в 25 лет писал мемуары...

Помимо литературных трудов у «военкомбрига-3» Жилина была в его тыловом районе еще одна важная задача – ловля дезертиров, или, как их называла в 1919 г. брянская пресса, «Митек-бегунов», «зеленых», «зеленоармейцев» [35; 48]. Дело в том, что мобилизованные в Красную армию мужики служить в ней хотели еще меньше, чем в 1917 г. в армии Русской. Красноармейцы бегали из-под красных знамен массово, да еще старались прихватить с собой оружие, при помощи которого производили в своих и не своих деревнях «перераспределение собственности». Как это происходило, описала 8 сентября 1918 г. газета «Известия Бежицкого Революционного Совета»: «4-го сентября, в 10 час[ов] вечера, на возвращавшихся на подводе по шоссе в село Городище (ныне в городской черте Брянска. – Ю.С.) жителей этого села Сергея Хранцева и его соседа, совершено вооруженное нападение. Нападение это произошло при следующих обстоятельствах: пострадавшие везли с собою из села Новоселы Рослав[ль]ского уезда 10 пудов (160 кг) ржи. По дороге в 10 верстах от села Глинище[во], внезапно выскочили из канавы 5 вооруженных лиц. Трое из них были одеты в солдатские шинели и вооружены ружьями, а двое были в пиджаках с револьверами. Бандиты, после обыска, у Хранцева забрали 40 рублей денег, а у соседа 800 руб.; забрав также всю рожь, бандиты приказали никому не говорить об этом и скрылись» [79]. Кроме подобных вылазок, мужики-дезертиры отбивались от не в меру назойливых продовольственно-реквизиционных отрядов, отбиравших у крестьян продукты в пользу коммунистических властей. Прятались от начальства дезертиры в лесах, от которых, видимо, и родилось прозвище «зеленоармейцы».

В 1918 г. брянские газеты в рубрике «Черная доска» время от времени публиковали именные списки дезертиров из местных частей Красной армии. Например, 14 июля 1918 г. сообщалось, что из 1-й Легкой батареи Брянского Районного Совдепа «самовольно отлучились» «с выданным им обмундированием» 9 красноармейцев: 6 уроженцев Минской губернии и трое мужиков из Жиздринского уезда Калужской губернии. Тогда же дал дёру «красноармеец 2-й Тяжелой Артил[лерийской] батареи Тимошков Варфоломей, происходящий из с. Кокина, той же (Кокинской) волости Трубчевского уезда Орловской губ[ернии], ...и унес с собой как обмундирование, так и постельную принадлежность» [102; 103]. Не прошло и двух недель, как на «черную доску» пришлось вывешивать имена еще четырех удравших из Брянска красноармейцев 3-й батареи 3-й артиллерийской бригады, «не выполнивших обязательства и бежавших с казенными вещами»: Петра Юркевича (Донской области, Ростовского уезда), Федора Чучина (Орловской губернии, Брянского уезда, Елисеевской волости, д. Тигановки), Ивана Горелова и Якова Тарасова (оба тоже Брянского уезда, Супоневской волости, д. Антоновки) [104].

К осени 1918 г. списки беглых красноармейцев переключались в брянских газетах из рубрики «Черная доска» в раздел хроники. Скажем, 24 октября 1918 г. «Известия Брянского уездного исполкома» объявили о побеге девяти красноармейцев Брянского же отдельного местного караульного батальона: «Всеим надлежащим властям, лицам, учреждениям и организациям

предлагается принять зависящие от них меры к розыску, задержанию и препровождению в Брянский Уездный Комиссариат по военным делам красноармейцев, скрывшихся из частей, с выданным им казенным обмундированием и подлежащих преданию суду» – Федора Павлова (Брянского уезда, Княвичской волости, д. Мокрины), Дмитрия Меричкова (того же уезда), Никиты Зубарева (Черниговской губернии, Почепского уезда, Старосельской волости, с. Лизогубовка), Ефима Старикова и Петра Иртюго (оба той же губернии, г. Новозыбкова), Валентина Куратова (Волынской губернии), Дмитрия Суховарова (г. Тамбова), Михаила Лесова (г. Орла), Андрея Ященкова (Орловской губернии, Дмитровского уезда, Домаховской волости, д. Толдыкина) [40] .

Рис.7. Мобилизованные в Красную армию крестьяне. Конец 1918 г.
<http://humus.livejournal.com/2178285.html>

С маршевыми частями, отправлявшимися из Брянска на театр военных действий, ситуация была не лучше. Так, 10 февраля 1919 г. под Киев прибыл из Брянска 11-й пограничный полк. Командир полка докладывал по прибытии: «Полк выступил из Брянска в составе 465 чел[овек], в настоящее время численность его 690 чел[овек]. Командир полка отмечал большую текучесть состава, за три недели выбыли и дезертировали 180 чел[овек], а прибыло 400 чел[овек]» [3, с.164] .

К лету 1919 г. на «дезертирской» почве с коммунистическими властями Брянска происходила прямо истерика. Многочисленные проявления ее видны на страницах газеты «Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». Почти в каждом номере этой газеты можно встретить объявления о призыве в Красную армию и сообщения о поиске дезертиров. Например, 7 июня 1919 г. газета вышла под заголовком: «Опомнись, дезертир» [46] . На следующий день усостыжить «Митек-бегунов» попытался местный поэт, укывшийся под красноречивым псевдонимом «Пулемет». В стихотворении

«Проклятие дезертирам» этот самый «Пулемет» писал: «Багряная заря уж брезжит над землей, – / И горе тем, кто жути битвы не изведал, / Кто прятался, когда кипел последний бой!» [47]. 13 июня газета сообщила, что в Овстугской волости под Брянском развелось «невероятное число дезертиров», а местный военрук Диесперов ловить их не хочет и проводит недели в Брянске, в кругу семьи [49]. 1 июля 1919 г. первую страницу «Известий Брянского уездного исполкома» украшал обращенный к дезертирам призыв: «Являйтесь, пока не поздно!..», за которым следовала печальная констатация: «от мобилизации уклоняются большинство несознательных граждан...» [50]. А в воскресенье 6 июля, на брянском рынке у городского собора, на набережной реки Десны, устроили облаву «на дезертиров и спекулянтов». Местная газета была в восторге: «Результаты облавы превзошли ожидания. Задержано около сотни "зеленоармейцев" и "свободных" спекулянтов» [35]. Но через несколько дней та же газета рассказала, что все прошло не так гладко: «В воскресенье наблюдалась следующая картина: на толкучем рынке, в самый разгар базара, производили ловлю дезертиров, оцепив рынок и никого туда не впуская. Я видел, как десятки мужчин, идя на базар и не зная, в чем дело, как только узнавали у чинов охраны причину непропуска, где пятась, где стремительно поворачивая, удирали во все лопатки от представителей закона, в душе вероятно довольные таким способом проверки документов» [66]. Наконец, 12 июля 1919 г. коммунистические власти объявили в Брянском уезде «День сбора оружия» [50а].

Впрочем, наказание для дезертиров в большинстве случаев было одно – очередная отправка на фронт. Например, 16 июля 1920 г. Брянский ревтрибунал приговорил к смерти «злостнейшего дезертира» Семена Иванова Тараканова. И вот уже на следующий день «поставили приговорить Тараканова к расстрелу условно с немедленным отправлением его на боевой фронт» [20, л.77, 78] ...

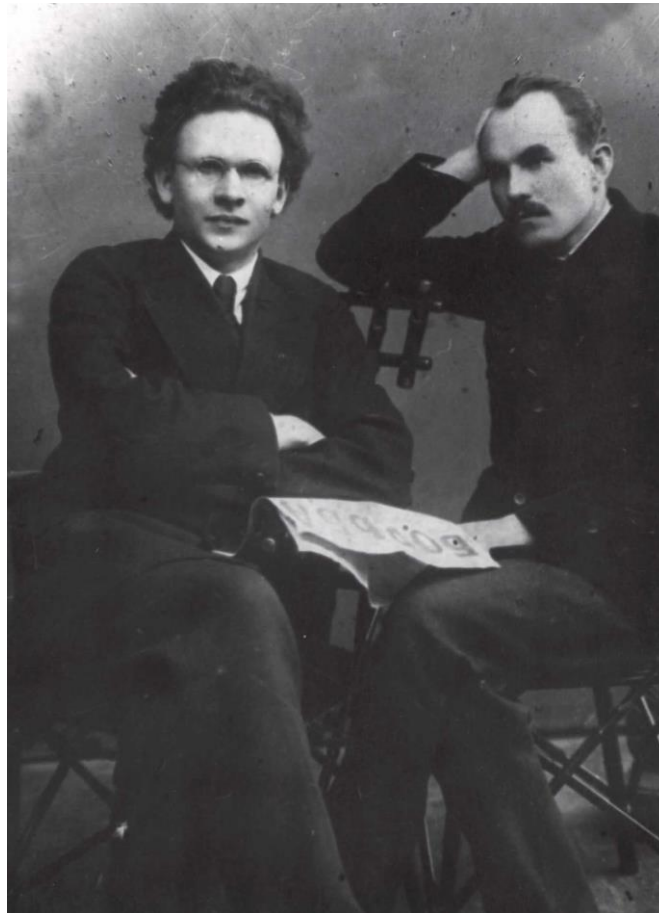
Зимой 1919 г. ситуация по дезертирской части была в Брянском уезде определенно не лучше. И вот комиссар 4-й стрелковой дивизии прислал подчиненному ему комиссару 3-й стрелковой бригады Жилину следующее распоряжение: «РСФСР Н[ародный] К[омиссариат] по В[нутренним] Д[елам]. Комиссар 4-й Стрелковой дивизии 23 января 1919 года. №367. г. Брянск. Штаб Бригады. Политическому комиссару 3-й стрелковой Бригады. С получением сего предписываю Вам немедленно сформировать карательный отряд в количестве 50 человек для розыска и задержания дезертиров 4-й стрелковой дивизии. При этом присовокупляю: в тех местностях, где будут найдены дезертиры, арестовывать местных волостных военных комиссаров и препровождать в мое распоряжение. Основание: приказ по дивизии. Комиссар 4-й стрелковой дивизии Ицкова» [22, л.70]. Так у «военкомбрига-3» Жилина, как, впрочем, и у других военных комиссаров Брянского края (например, у трубчевского военкома), появилась своего рода «личная гвардия» в лице карательного отряда. Из последующих событий можно понять, что помимо полусотни карателей в распоряжении «военкомбрига-3» находился еще и бронепоезд. Парадокс ситуации заключался в том, что комиссар Жилин, как мы только что видели, сделал политическую карьеру, организуя и политически мотивируя дезертирство из Русской Армии, а теперь должен был бороться с подобным же явлением в армии Красной...

У брянских комиссаров рангом поменьше Жилина жизнь была не менее напряженной и увлекательной. Скажем, 21 января 1919 г. уже знакомая нам газета «Известия Брянского уездного исполкома» опубликовала заметку под названием «"Комиссарские" тройки»: «В последние дни появились по городу рыскающие с хохотом и визгом тройки с кучерами и лицами в военных формах. Развалившись в санях, "неизвестные" с какими-то дамами катаются во весь дух. Если военный комиссариат ничего не может предпринять против них, то пусть хватит мужества у советской милиции останавливать эти тройки и выяснять, кто эти Юпитеры, которые "компрометируют" (так!) нашу Красную армию катанием своих дам на полковых лошадях» [57]. Меньше чем через неделю, 26 января, та же газета сообщила еще об одном инци-

денте в Брянске с участием красного военного начальства: «24-го января ночью в цирке появился каптенармус 34 полка Казимир Криминский в пьяном виде и начал буйствовать». Раздраженные граждане вызвали чекистов. В ответ на требование предъявить документы каптенармус ударил чекиста по лицу, «ругаясь нецензурными словами». Конечно, ЧК задержала Криминского. Однако, «наутро 25-го января к помещению ЧК прибыл отряд верховых красноармейцев с комиссаром Панковым и требованием выдать арестованного. Выяснив настоящую причину ареста каптенармуса, отряд, удовлетворившись объяснением, уехал» [52]. Такой вот «Дикий Запад»...

4. КАК БОЛЬШЕВИКИ УПРАВЛЯЛИ БРЯНСКОМ

Рис.8. Лидеры брянских большевиков И.И.Фокин (слева) и Г.Г.Панков. Фото 1918 г. ГАБО.

Однако Брянск в ту пору был самым неподходящим для разгульной жизни местом. Пришедшие к власти в городе и в образованном в 1918 г. Брянском промышленном районе большевики были людьми малограмотными и некомпетентными в управлении. Например, их предводителем являлся чертежник из Людинова (Калужской губернии) Игнат Иванович Фокин (1889 – 1919), не доживший до 30 лет, но имевший в своем активе трехлетний тюремный срок, арест по подозрению в убийстве и 6 лет ссылки [84, с.9, 10, 11, 36, 37, 40-41]. А второй по счету председатель брянской ЧК Георгий Куприянович Крапивницкий (1889 – 1943) 2 марта 1919 г. на страницах местной газеты прямо заявил: «Вышедшие все из рабочей семьи, мы не можем говорить литературным языком, как юристы, потому что мы специалисты станка и молотка...» [59] Можно вообразить, что «специалисты» из ЧК своими молотками вытворяли...

Занимались эти новые хозяева Брянска не столько городским хозяйством и снабжением горожан всем необходимым, сколько враждой с оппонентами из других социалистических

группировок [91; 11]. Например, в апреле 1918 г. они разделились с местной ячейкой анархистов [94, с.15], в августе вооруженной силой захватили местечко Бежицу, где в совете доминировали социал-демократы меньшевики, разогнали там совет и закрыли местную газету [94, с.19-20; 93, с.55-56]. К тому же, у брянских большевиков, как и у «военкомбрига-3» Жилина, выработался навык скорее разрушительной, чем созидательной деятельности.

Между тем, центральные власти ввели 14 мая 1918 г. так называемую «продовольственную диктатуру». Теперь продовольствие у крестьян на местах собиралось в том количестве, которое требовалось Москве (без учета местной специфики), по символической цене, не покрывавшей расходов земледельцев – и распределялось «среди населения согласно планам и инструкциям Народного Комиссариата Продовольствия». Относительно частной торговли продовольствием и предметами первой необходимости соответствующий декрет всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) говорил, что она «может быть допущена под контролем и на основаниях, устанавливаемых областными и губернскими продовольственными органами в согласии с общими указаниями Народного Комиссариата Продовольствия и положениями о частной торговле» [88, с.526-529]. На деле такая торговля часто запрещалась, а крестьян, рискнувших вывозить продукты на городские рынки, местные комитеты бедноты (комбеды) с легкостью могли объявить «спекулянтами», отобрать у них все подчистую, а то и подвергнуть репрессиям.

Последствия всех этих выкрутасов «красного менеджмента» не заставили себя долго ждать. Уже 13 июля 1918 г. в Бежицком пожарном парке состоялся «голодный митинг» рабочих местного Брянского рельсопрокатного, железоделательного, сталелитейного и механического завода, одного из крупнейших в России. В адрес большевистского оратора там кричали: «Убить его, убить!» [80]. Но митингами большевиков было не пронять – и ситуация ухудшалась. 13 сентября 1918 г. газета «Известия Бежицкого Революционного Совета» сообщала: «В течение последней недели на рынке Бежицы наблюдается полное отсутствие продуктов первой необходимости, как то: картофеля, капусты, огурцов, молока и проч., доставляемых ранее на рынок крестьянами окрестных деревень. Создавшееся положение, как выясняется, связано с воспрещением продажи таковых, исходящим от Комитетов Бедноты. При остром переживаемом продовольственном кризисе отсутствие этих продуктов на рынке буквально обрекает рабочих Бежицы на голодание и грозит крайним обострением взаимоотношений с крестьянами окрестных деревень» [69].

Вот пример того, как брянские большевики пытались решать продовольственную проблему. 18 марта 1919 г. газета «Известия Брянского уездного исполкома» опубликовала такое объявление: «1919 года 20 марта в 12 час[ов] дня при ст[анции] Брянск, М[осковско]-К[иево]-В[оронежской] жел[езной] дор[оги] в Брянском продовольственном магазине будет произведена с публичных торгов продажа мерзлого картофеля 900 пудов и кормовой свеклы 350 пудов» [45].

С одеждой дела обстояли не лучше, чем с продовольствием. 21 января 1919 г. та же газета опубликовала очередное «Обязательное постановление Исполнительного к[омите]та Брянского городского совдепа», гласившее: «С опубликованием сего все владельцы каракулевых мужских и женских пальто должны в 7-ми дневный срок зарегистрировать таковые в домовых комитетах проживаемого района. При обнаружении умышленного сокрытия каракулевых пальто виновные будут караться административным наказанием, штрафом до 5000 рублей с заменой арестом до 3-х месяцев. Домовым комитетам вменяется в обязанность следить за точным исполнением сего постановления» [42].

И все это длилось месяцами, а потом и годами. Состояние голода, холода и мрака стало в Брянске и его окрестностях прямо хроническим. В 1919 году пожилая брянская жительница писала своей дочери, жившей в другом городе: «Холодно, дров нет... Картошки ни капли, од-

на капуста не притертая, соли нет, больше недели несоленое едим, и хлеба нет... Мучительно хочется кушать... Я иногда представляю себя, как на Северном полюсе: холод, голод и темнота убийственная, как половина 12-го [вечера], так тушат электричество, тогда наступает тьма египетская, нет ни масла, ни керосина, просто смерть, и без света ничего не сделаешь... Отец на должность не ходит, жалованья нет, очень трудно, не знаю, как быть... <...> ...Если ты знала Маню Климкину – она умерла от сыпного тифа, Алымова тоже умерла... Вчера поплелась на базар и опять ничего не достала, ни хлеба, ничего, едва ноги тащу. Возле Рождественской часовни помолилась, попросила Спасителя и Св. Николая послать нам хлеба насущного... Пришла домой, плачу, умираю, есть хочу, а отец говорит – не плачь. Сейчас был у меня К.О.Папертов, чего-то принес. Мы развернули, смотрим – хлебные сухарики ф[унта] полтора (около 600 г. – Ю.С.)... Мы обрадовались, развернула самовар, выпили с отцом кипяточку с сухариками, и девочкам понесла по сухарику (на работу), а то они, горемычные, голодные сидят... В довершение всего вода прекратилась по случаю, что нет дров, говорят – на два месяца...» [82].

Рис.9. Брянские большевики с гробом И.И.Фокина. 17 апреля 1919 г. ГАБО.

Справедливости ради надо сказать, что и брянские большевики становились жертвами собственной управленческой некомпетентности. Их лидер, Игнат Фокин, умер 13 апреля 1919 г. от сыпного тифа. Жена Фокина, носившая по советскому обычаю иную, нежели муж, фамилию – и даже двойную, Смирнова-Полетаева, вспоминала в связи с этим: «Не тиф унес Игнатия в могилу: полухолодная, полуголодная жизнь, ...систематическое недоедание и в период его могущества, питание в пределах общегосударственной нормы с отклонением от нее в редких случаях, с постоянным вопросом как мириться с покупкой на рынке с противоречием своему принципу борьбы со спекуляцией (ведь сами же разгоняем рынок...) Да для спекулятивных покупок и ресурсы были ничтожны. Вольно и невольно приходилось быть жертвой своей политики, своих принципов» [86, с.31].

Голод в Брянске был настолько исключительным в голодной, в общем-то, стране, что 17 февраля 1919 г. в Москве, на заседании совета обороны под председательством Ленина, обсуждался вопрос «о продовольственном кризисе в Брянском районе» [62, с.731]. Однако большевики, верные принципу Парижской коммуны – тушить пожар керосином, обострили ситуацию до предела. У горожан был еще один, помимо пайка и рынка, да и то ненадежный способ раздобыть пропитание – отправиться в деревню и там обменять что-нибудь из своих вещей на

еду. Как это выглядело и чего стоило, вспоминал в 1922 г. крупнейший русский писатель Алексей Максимович Горький (1868-1936): «Не хочется говорить о грубо насмешливом, мстительном издевательстве, которым деревня встречала голодных людей города. Всегда выигрывая на обмене, крестьяне - в большинстве - старались и умели придать обмену унижительный характер милостыни, которую они - нехотя - дают барину, "прожившемуся на революции". <...> Интеллигент почти неизбежно подвергался моральному истязанию. Например: установив после долгого спора точные условия обмена, мужик или баба равнодушно говорили человеку, у которого дома дети в цинге:

— Нет, иди с Богом. Раздумали мы, не дадим картофеля ...

Когда человек говорил, что слишком долго приходится ждать, он получал в ответ злопамятные слова:

— Мы – бывало, ваших милостей еще больше ждали» [33, с.35-36] . Ну, так вот, даже этот ненадежный и унижительный для человеческого достоинства канал поступления продовольствия был для брянцев большевиками перекрыт. 21 января 1919 г. «Известиями Брянского уездного исполкома» было опубликовано так называемое «Обязательное постановление №4»: «Согласно постановления Брянского Уисполкома от 13 января сего года Отдел Управления сим объявляет, что выезд из города Брянска и его уезда гражданам, проживающим в данной местности, временно воспрещается. Лица, не получившие от Отдела Управления разрешений на выезд, по обнаружении будут подвергнуты штрафу до 5000 рублей или аресту до 3 месяцев. Заведывающий (так!) Отделом Управления при Брянском уездном Исполкоме М.Кульков» [42] . Интересно, что подписавший эту бумагу большевик Михаил Максимович Кульков (1891 – 1939, расстрелян) и должен был снабжать Брянск всем необходимым. Для силового обеспечения этого постановления брянский районный (с правами губернского) комиссариат по продовольствию разместил на железнодорожной станции Навля заградительный отряд [20, л.22, 23], который вскоре заявит о себе с неожиданной стороны...

Помимо прочего, доставку продовольствия в Брянск зимой серьезно затрудняли снежные заносы на железной дороге. Службы, которые должны были бы расчищать полотно, либо не работали, либо не существовали. И тогда большевики сделали расчистку железнодорожных путей еще одной повинностью для населения Брянска и его окрестностей. Все тот же Кульков своим обязательным постановлением №2 от 27 декабря 1918 г. и приказом №10 от 10 февраля 1919 г. предписывал «членам Волостных и Сельских Исполкомов и Начальникам Советской милиции проверить готовность народных отрядов, зарегистрировать их и по первому требованию железнодорожного начальства высылать таковые при списках в их распоряжение для очистки путей». Собственно «граждан города Брянска и Льговского поселка» Кульков обязал «при наступлении метели являться с метлами и лопатами, а извозчики с подводами, запряженными в глубокие сани, по тревожному гудку». Гудок в самом Брянске должен был подавать завод Арсенал, в Льговском поселке – первый русский завод искусственного шифера Террофазерит при станции Брянск Московско-Киево-Воронежской железной дороги, в Привокзальной слободе Риго-Орловской железной дороги (нынешний Брянск-1) - Военно-сухарный завод. Являться горожанам по гудку следовало в районные отделения советской милиции: 1-е – в Брянске, 2-е – в Привокзальной слободе, 3-е – в Льговском поселке [27, л.191] . Не явившихся на расчистку снега со всей силой «пролетарского гнева» разыскивали аж до 8 июня 1919 г. [19].

У красноармейцев в Брянске дела обстояли ничуть не лучше, чем у гражданских. 5 декабря 1918 г. в 4-м тяжелом артиллерийском дивизионе состоялся митинг с участием лидера брянских большевиков Фокина. Вскоре на страницах газеты «Известия Брянского уездного исполкома» участник этого митинга, скрывшийся за псевдонимом «Молодой солдат», отметил «чрезвычайно тяжелые условия быта красноармейцев: скученность, грязь, плохое питание, отсутствие обмундирования». Видимо, вопросы обо всем этом задавались и Фокину, отвечавше-

му, надо сказать, весьма узнаваемо и для нынешних времен: «Оратор показал красноармейцам, в каких тяжелых условиях находится рабоче-крестьянская страна: голод, разруха перешла к нам в наследство от старых господ. Рабоче-крестьянское правительство напрягает все силы для улучшения положения красноармейцев. Но и самим красноармейцам надо взять себя в руки – грязь, беспорядок в казарме зависит от собственного поведения. Перед красной армией стоит большая задача: отразить врагов крестьян и рабочих – помещиков и капиталистов». В конце заметки «Молодой солдат» не то попросил, не то пригрозил: «Товарищи, не забывайте красноармейцев – нашу опору и надежду» [71]. В 1927 г. авторы книги «Борьба за Октябрь в Брянской губернии» подтверждали: на рубеже 1918-19 гг. в Брянском гарнизоне «начинаются перебои в снабжении. Особенно остро обстоит вопрос с мукой. Хлеба пришлось выдавать только по полфунта в день (около 200 г. – Ю.С.). Обострился вопрос с обмундированием, а временами и топливом. Появились заболевания сыпным тифом» [9, с.55].

Но это, так сказать, подцензурные, предназначенные для широкой публики тексты. В секретной документации все выглядит еще безотраднее. В 20-х числах декабря 1918 г. на станции Брянск Риги-Орловской железной дороги (Брянск-1) остановился вагон №171, в котором находился председатель Орловской окружной военной инспекции. После нескольких дней работы в частях Брянского гарнизона, председатель инспекции 26 декабря 1918 г. направил в президиум брянского уездного исполкома документ с грифом «совершенно секретно». В этом документе со злой иронией не очень образованного человека описано печальное положение брянских красноармейцев. Причем вдобавок к уже известным нам проблемам с продовольствием и одеждой добавилась еще проблема насилия со стороны брянских чекистов, которые буквально... пороли красноармейцев: «Снабжение частей. Товарищи красноармейцы Брянского гарнизона живут в настоящее время в условиях во много раз худших, чем те, в каких живет средний пролетарий города Брянска. Холодные, грязные бараки, в которых за отсутствием ламп товарищи проводят длинные зимние вечера в темноте... Командиры и комиссары частей заявляют, что Президиум идет полным ходом навстречу Красной Армии в деле удовлетворения местных нужд и что это доброе желание парализуется работой саботажников всевозможных отделов, которые в первую голову заботятся о своем собственном благополучии... Они кричат, как фарисеи: "Все для Красной Армии", а думают и делают "Все для себя". Товарищи, нажмите на этих... живущих в тепле и довольствии, заставьте их отказаться от ненужной роскоши и излишних удобств. Сделайте, чтобы лозунг "Все для Красной Армии" не был злой насмешкой... Чрезвычайком (т.е. ЧК, чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией. – Ю.С.). Чрезвычайком – это вещь очень хорошая... но Брянский Чрезвычайком, по словам советских же работников, вещь не особенно хорошая... То он порет красноармейцев, то обезображивает револьвером лицо арестованного красноармейца, то арестовывает приемщика Минского вещевого склада и задерживает этим на полмесяца получение столь необходимого для Брянского гарнизона обмундирования, то за пустяки арестовывает и отрывает от работы Уездвоенкома Ильинского и оставляет Комиссариат в руках саботажников, то арестовывает целую группу лиц и потом только начинает искать причины ареста, то отнимает у Караульного батальона пулемет, то... и т.д. И в результате получается, что такое важное и в высшей степени нужное учреждение, как Чрезвычайком, делает "умные" вещи... и что сами советские работники недовольны его действиями... Товарищи, нужно это дело наладить. Нельзя допустить, чтобы комиссары воинских частей и коммунисты морщились при произнесении слова "Чрезвычайком". Прикажите этой Чрезвычайной Комиссии и другим организациям работать в контакте и не допускать поступков, подобных описанным выше. Предложите Чрезвычайной Комиссии подробно ознакомиться с приказами высших военных властей. Комиссарам частей преподаны соответствующие указания и они пойдут во всех законных случаях навстречу. Инспекция надеется, что дело с Чрезвычайком будет налажено и что извлечение саботажников из разных

учреждений, как военных, так и гражданских, пойдет гораздо успешнее... А саботажников, "кормленцев" и всякой другой "публики" в наших советских учреждениях – тьма тьмущая... Что же касается лиц, допустивших вышеупомянутые безобразия, то инспекция добьется расследования их незаконных действий и наказания виновных» [26, л.27-27об] .

Определенным образом характеризуют качество жизни в Брянском гарнизоне два параграфа из приказа №10 по этому самому гарнизону. Приказ был издан 26 января 1919 г. начальником гарнизона военным комиссаром Потапиным: «Посетив 25 сего января этапно-ветеринарный лазарет, я нашел конюшни не вычищенными, загрязненными, совершенно необорудованными, непригодными для помещения даже здоровых лошадей, не говоря уже о больных. В конюшне лежали трупы лошадей, павших еще ночью и не убранных до полудня. <...> Замечено, что красноармейцы некоторых частей гарнизона разбирают на дрова и другие надобности пустые здания и бараки, а в особенности если последние уже старые. Подобное явление недопустимо – это есть разорение народного хозяйства» [25, л.318об] ...

И вот 14 февраля 1919 г. на железнодорожной станции Навля под Брянском восстал заградительный отряд. В этот день в брянский районный комиссариат по продовольствию пришли одна за одной три телеграммы, подписанные командиром навлинского заградотряда Шатохиным: «[1.] [В] Отряде восстание[.] Срочно вышлите для улаживания конфликта члена коллегии [.] Начальник отряда Шатохин. <...> [2.] [В] Отряд[е] восстание[.] Срочно вышлите агента[.] Начальник отряда Шатохин. <...> [3.] Срочно вышлите врача[.] Есть жертвы[.] раненные помощники мои[.] Иванов арестован[.] Начальник отряда Шатохин» [20, л.23] . В тот же день брянский районный комиссар по продовольствию направил в отдел внутреннего управления уездного исполкома просьбу: «Прилагая при сем 3 копии телеграмм нами сегодня 14 февраля полученные – просим командировать вооруженную силу, задержать бывшего начальника Заградительного отряда Шатохина и обезоружить весь отряд, доставить всех в Брянск для производства следствия» [20, л.22] . Лидер брянских большевиков Фокин в резолюции, наложенной на процитированный документ, обращался, во-первых, к «военкомбригу-3» Жилину с просьбой «оказать содействие вооруженной силой», во-вторых, предоставлял мандат на проведение карательных мероприятий в Навле председателю брянской ЧК Крапивницкому. Для переброски карательного отряда в Навлю были выделены паровоз и один вагон [20, л.24] ...

5. МАРТОВСКИЕ ИГРЫ

Март 1919 г. начинался в Брянском гарнизоне с приключений, до которых довела описанная выше разгульная жизнь красного командования. Командир 34-го стрелкового запасного полка Крюков и его помощник, а по совместительству командир батальона Торчилин, как говорится, «не поделили бабу». Вот что писала об этой «разборке» «комиссаров в пыльных шлемах» брянская пресса: «В ночь на 3-е марта в казармах Стрелкового полка произошел трагический случай. Помощник командира полка красный офицер Торчилин выстрелом из нагана убил наповал командира полка Крюкова и потом ранил служащую канцелярии полка, гр[ажданку] Булгакову – члена партии сочувствующих, после чего сам покончил свою жизнь самоубийством выстрелом в рот. Эта драма произошла на почве ревности. Печальнее всего то, что как покойный командир полка Крюков, так и Торчилин являются членами партии. Торчилин состоял председателем коммунистической ячейки в полку, а Крюков являлся старым партийным работником и был одно время комиссаром армии. В последнее время он был одним из немногих коммунистов – командиров полка» [43, с.4, 1; 9, с.56] .

В то же время по Брянску поползли слухи, что в Гомеле взбунтовались красноармейцы и устроили еврейский погром. Вернувшемуся только что из Гомеля уполномоченному от брянского рабочего кооператива Андронову пришлось эти слухи опровергать [43, с.4] . Но дыма без огня не бывает: в начале марта действительно пришлось разоружать на станции Гомель-

Хозяйственный самовольно бросивший фронт 153-й советский полк [61, с.131] . Кроме того, условия жизни красноармейцев в Гомеле были похожи на брянские, если не хуже. И крупный бунт 2-й тульской советской бригады, сопровождавшийся еврейским погромом и резней большевистского начальства, там действительно произошел, но 23-29 марта 1919 г. [61, с.122-158; 29, с.419-423; 31, с.242; 30].

Рис.10. Брянские жители 17 апреля 1919 г. ГАБО.

В полдень 9 марта в Брянск из Орла губернский военный комиссар по прямому проводу сообщил: «В Орле были крупные беспорядки в связи с уходом некоторых частей на фронт. В настоящее время мятеж улажен и я передаю Вам, что никаких воинских частей помощь не нужна. Обратите серьезное внимание на Брянский гарнизон, дабы проходящие через него Орловские части не могли занести с собой лево-эсеровской кулацкой пропаганды, благодаря которой в Орле был неприятный случай» [27, л.392] . В тот же день, 9 марта, в Брянске «было очередное собрание комиссаров и командного состава гарнизона, созванное в связи с волнениями в Орловском гарнизоне. Здесь было указано многими комиссарами, что в гарнизоне, на почве отсутствия довольствия, заметно усиленное брожение и что военному комиссариату необходимо принять срочные меры. На это военком ответил, что центр знает об этом. Тем собрание и закончилось» [10, с.20-21] .

Однако в Брянске, словно бы нарочно, как раз 9, 10 и даже 11 марта решили принимать в полки, в одном из которых, как мы только что видели, командование друг дружку перестреляло, крупное пополнение. И к тому же специфический контингент. Газета «Известия Брянского уездного исполкома» 18 марта 1919 г. писала: «За несколько дней до мятежа в один полк поступило около 800 человек дезертиров, уклонявшихся от мобилизации» [78; 9, с.56]. Учитывая то, что и без пополнения гарнизон голодал, «военкомбриг-3» Жилин 10 марта на заседании брянского районного исполкома сделал доклад о бедственном положении своих подопечных и попросил исполком прийти красноармейцам на помощь. В ответ «Исполком поручил Райпродкому удовлетворить гарнизон некоторыми предметами первой необходимости» [10, с.21]. Но то ли районный комиссариат по продовольствию не спешил выполнять поручение, то ли вообще уже было поздно что-то предпринимать...

Рис. 11. Брянский базар в начале XX века. Интернет-ресурс «Брянск глазами разных поколений»

Во вторник 11 марта отмечали годовщину февральского государственного переворота 1917 г. «Военкомбриг-3» Жилин вечером этого дня явился в 34 и 35-й полки, где выступил с лекцией на тему «Годовщина русской революции». Вероятно, Жилин поведал, как взбунтовал два года назад 1-й пулеметный полк в Ораниенбауме и повел его на Петроград. Для наэлектризованной аудитории такой рассказ мог послужить инструкцией к дальнейшим действиям. Современники вспоминали, что во время доклада Жилина раздавались крики: «Дай хлеба, сапог!» [10, с.21] Более того, «чувствовалось враждебное отношение к начальствующему составу со стороны прибывшего пополнения. По окончании доклада, тов[арища] Жилина засыпали потоками вопросов, среди которых были вопросы...”почему большевики все имеют, а у крестьян отбирают последний хлеб”, и т. д.» [9, с.56] Красноармейцы потребовали у Жилина разрешения устроить митинг, но комиссар отказал [10, с.21]. Тем не менее, «из глубины клуба стали раздаваться крики призывавшие, собраться на другой день в 12 часов к штабу 35-го полка» [9, с.56].

Уже утром 12 марта в Льговском поселке, там, где находились бараки 34 и 35-го полков, началось движение. Как рассказывал на допросе 17 марта 1919 г. артельщик 1-й отставной роты 3-го запасного батальона 32-летний Лаврентий Валерьев, «12 марта, в часов 9 утра, я увидел, что в Маршевой роте забегали и стали волноваться, а затем ротный командир Дятлов собрал свою роту и повел ее на ст[анцию] Брянск-Москов[ский] (ныне Брянск-Льговский, Брянск-2. – Ю.С.); по дороге он встретил офицера бомбометной команды, фамилии коего не знаю, обезоружил его, взял от него револьвер. В нашей роте стали говорить, что Дятлов на станции обезоруживает красноармейцев, тогда я отправился на станцию и сам-один обезору-

жил его – Дятлова – отняв от него револьвер и шашку и таковые отнес к[оманди]ру батальона т[оварищу] Алексееву, которому и доложил...» [21, л.5]

Около двух часов дня на площади у колодца, расположенного между бараками 34 и 35-го полков, «стали появляться одиночные лица, а потом группы человек 5-10 и через 10-15 минут вся площадь была запружена массой солдат, среди которых мелькали и штатские лица. Началось выступление ораторов...» [9, с.56] Относительно повода, по которому собрался митинг, свидетели говорят единодушно. «Волнение» произошло «на почве недостатка обмундирования и продовольствия», – писали 18 марта 1919 г. «Известия Брянского уездного исполкома» [76]. 21-летний красноармеец 3-го запасного батальона Федор Блинов говорил на допросе 16 марта 1919 г.: «За что подняли восстание могу сказать следующее: из слухов, что за обмундирование и больше ничего не слыхал» [21, л.4об]. Ровесник Блинова, красноармеец 35-го полка Ефим Алекашин, на допросе 20 марта рассказывал: «Когда я вышел оправиться, то около колодца между 34 и 35-м полком собралась толпа красноармейцев и требовала себе оружия, обмундирования, харчей и перечистить советы. В этой толпе особенно выделялся Костюченко, который стоял на столе и говорил речи о чистке советов, и какой-то комиссар, фамилии которого я не помню. Я влез на стол и стал говорить: ”зачем переизбирать советы, раз они нами избраны”. Тут все крикнули: ”долгой со стола, ты, наверное, сам коммунист”. <...> Кроме Костюченко, секретаря собрания, еще как активных участников восстания могу указать Королева – председателя собрания 34 полка и тов[арища] Еремичева, 35 полка» [21, л.8]. 19-летний красноармеец 9-й роты 34-го полка Василий Ветров на допросе 22 марта показал: «На митинге я только и слышал, что кричали: давайте нам 1 ½ фунта хлеба и обмундирование. Председателем был выбран какой-то Королев...» [21, л.9] Митинговавшие в тот же день в своих казармах на Трубчевской улице артиллеристы тяжелого и мортирного дивизионов требовали: «1) Снять чрезвычайные налоги; 2) Снять регистрационный отдел; 3) Увеличить паек солдатам; 4) Улучшить положение семейств солдат; 5) Убрать евреев и ”плохие элементы” из советских учреждений; 6) Убрать комиссаров неграмотных» [73, с.169]. Газета «Известия Брянского уездного исполкома» так через неделю после восстания передавала требования митинговавших 12 марта 1919 г. красноармейцев: организация ротных комитетов, отмена хлебной монополии, заградительных отрядов, роспуск чрезвычайных комиссий, перевыборы совета, командного и комиссарского составов и т.д. [76]

Попытки военного и большевистского руководства успокоить митинговавших не привели ни к чему: «Подошедший к митингу помощник командира 34-го стрелкового полка (Анненков. – Ю.С.) пытался было в своем выступлении убедить красноармейцев разойтись, но безуспешно» [9, с.56]. Один из брянских большевиков, скрывшийся за псевдонимом Григорий Людиновский (скорее всего это был балтийский матрос, 27-летний Григорий Петрович Киреев, уроженец, как и Фокин, села Людинова¹) вспоминал в 1922 г., как 12 марта около трех ча-

---

¹ Григорий Петрович Киреев (1890 – 1938) родился в с. Людиново Жиздринского уезда Калужской губернии, в семье рабочего. Окончил ремесленное училище в с. Бежице, при Брянском заводе, после работал на Людиновском заводе. С 1911 г. на действительной службе в Балтийском флоте, судовой механик. После февральского переворота находился в Гельсингфорсе (ныне Хельсинки, Финляндия), где сделался председателем матросского клуба и главой матросской секции местного совета. Летом 1917 г. по причине болезни вернулся в Людиново, откуда в 1918 г. приехал в Брянск – скорее всего, по приглашению земляка и приятеля своего И.И.Фокина. Видимо, уже здесь Г.П.Киреев вступил в РКП(б) и начал делать карьеру: был председателем брянского городского совета, редактировал газету «Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». В январе 1921 г. Г.П.Киреев стал председателем севского уездного исполнительного комитета, а в августе того же года — 2-м секретарем Брянского губернского комитета РКП(б). В 1919 – 1921 гг. Г.П.Киреев «в составе частей особого назначения участвовал в ликвидации контрреволюционных мятежей в Брянске, Севском и Дмитровском уездах». Так, 14 марта при подавлении восстания Брянского гарнизона,

сов дня, встретил лидера брянских большевиков Игната Фокина, «ехавшим на лошади... уговаривать красноармейцев... Через 2-3 часа выяснились, что уговоры тщетны, красноармейская масса, ...находилась в чрезвычайно возбужденном состоянии...» [65, с.92] В посвященной восстанию Брянского гарнизона статье 1927 г. о дальнейших событиях говорилось так: «Митинг закончился грабежом оружейного, продовольственного и вещевого складов 34-го пехотного полка (по словам красноармейца 35-го полка Василия Алексейцева, цейхгауз «был разбит» по почину некоего Краснова, которого и другой участник событий назвал «самым старшим восставшим». Сам Алексейцев при этом забрал в цейхгаузе бомбу и револьвер [23, л.10] . – Ю.С.), а в тот же день вечером, по прилегающему к баракам, Фокинскому (Льговскому. – Ю.С.) поселку начались грабежи мирного населения. Вокруг бараков, на вокзале ст[анции] Брянск М[осковско]-К[иево]-В[оронежской] ж[елезной] д[ороги], захваченного восставшими и по шоссе, идущему из Брянска на Орел, восставшими было выставлено сторожевое охранение и высланы разведки. Для руководства жизнью гарнизона и восстанием, восставшие организовали гарнизонный комитет. Начальствующий же состав частей участвовать в восстании категорически отказался. К восставшим частям, расположенным в бараках при ст[анции] М[осковско]-К[иево]-В[оронежской] ж[елезной] д[ороги] присоединились и части, расположенные в городе Брянске. Таким образом, у начальника гарнизона не осталось в руках ни одной части для противодействия восставшим» [9, с.56].

После четырех часов дня 12 марта в свою казарму возвращался гостивший в Брянске у брата 24-летний красноармеец 35-го полка Иосиф Волынцев. Но допросе 20 марта 1919 г. Во-

---

Г.П.Киреев с отрядом вооруженных большевиков контролировал переход через реку Снежить от Льговского поселка на Брянск. В конце 1921 г. Г.П.Киреев отбыл в Красноярск, где стал членом губкома РКП(б). В январе 1923 г. Киреев направлен центральным комитетом РКП(б) в качестве комиссара на флот— и занял должность члена революционного военного совета (РВС) морских сил Черного моря. С января 1926 г. — член РВС и начальник политуправления морских сил Балтийского моря. Окончил курсы усовершенствования, а потом и военно-морскую академию РККА. В 1933 г. награжден орденом Красного знамени, назначен одновременно комиссаром и командующим Каспийской военной флотилией, потом – помощником командующего морскими силами Дальнего Востока. С 1935 г. — флагман флота 1-го ранга, помощник командующего Тихоокеанским флотом, награжден орденом Ленина. С июля 1937 г. — командующий Тихоокеанским флотом, член военного совета при народном комиссаре обороны СССР. В начале 1938 г. вызван в Москву и 10 января арестован. 29 июля 1938 г. военной коллегией верховного суда СССР осужден по статье 58-16, 7, 8, 11 (измена родине, совершенная военнослужащим; подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения и т.п., совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений; совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти; участие в организации, образованной для подготовки или совершения перечисленных преступлений) Уголовного кодекса РСФСР к расстрелу, расстрелян в тот же день. Реабилитирован 13 июня 1956 г. все той же ВК ВС СССР [51а, с.154-155; 106, с.129-130; 89, с.182; 72, с.209; 55]. Интересно, что в 1960-х – 1970-х гг. советские армейские политработники, пользуясь тем, что имена подлинных организаторов «Ледового похода» Балтийского флота из Гельсингфорса были под запретом, решили славу этого перехода приписать матросу (унтер-офицеру) Г.П.Кирееву [89, с.182]. Между тем, 5 апреля 1918 г. из Гельсингфорса был отправлен второй отряд русских кораблей, а 6 апреля 1918 г. Киреев за многие версты от Балтики участвовал в экстренном заседании бежицкого комитета РКП (б) об организации Красной армии [72, с.172]. Жена Г.П.Киреева, Анна Ивановна Иванюта-Киреева (1895 – 1964), член РСДРП(б) с мая 1917 г., в 1918 г. работала в брянском горкоме РКП(б), позже была секретарем брянского укома РКП(б), с 1920 г. заведовала женским отделом брянского губкома РКП(б), с 1921 г. – орготделом брянского горкома РКП(б), потом уехала с мужем делать карьеру на флоте. Окончила институт красной профессуры. После ареста мужа вернулась в Брянск, где проживала по ул. Урицкого, 61. 9 сентября 1938 г. особым совещанием при НКВД СССР осуждена к 8 годам заключения в исправительно-трудовом лагере как член семьи изменника родины. Срок отбывала в Карелии (Сегежский лагерь, Сегежлаг) и в Казахстане (Акмолинский лагерь жен изменников родины, АЛЖИР). Освобождена 6 марта 1946 г. Сведений о реабилитации нет. После освобождения жила в г. Куйбышеве. В 1965 г. имя А.И.Иванюты присвоено улице в Советском районе г. Брянска [51а, с.154; 506, с.10; 55а; 55б, с.24].

лынцев рассказывал: «Когда я пришел в казармы, то митинг кончился и склад с оружием был разграблен, когда я подходил к баракам, то на станцию шли толпами солдаты с винтовками, когда я спросил, куда, т[оварищи], идете, они сказали, что идут бить жидов...» [21, л.7]

Рис.12. Г.П.Киреев (он же, возможно, Григорий Людиновский, Гр.Петров). Из книги: История партийной организации Брянщины (в иллюстрациях). Тула, 1972. С.61.

К вечеру этого дня красноармеец 2-й роты 35-го полка Василий Алексейцев был уже владельцем солидного состояния. Командир его роты Афанасий Ефимович Попов на допросе в ЧК 18 марта 1919 г. рассказывал: «Красноармеец моей роты Василий Алексейцев, происходящий из Брянского уезда Акуличской вол[ости] с. Акуличи, во время восстания в полках Брянского гарнизона занимался систематическими грабежами. Это подтверждается тем, что я у него видел денег около 12 000 рублей, четыре револьвера: из них три "Нагана" и один "Браунинг", кобур (так!) последнего у меня в роте, видел у него трое часов, одни из них серебряные с золотой цепочкой, пенсне (!), аршина четыре зелено-коричневого сукна. Все это хранилось в роте на нарах. "Караулом" около этих предметов были два его товарища которых фамилий я не знаю. Грабежом вместе с Алексейцевым занимались еще человек пять красноармейцев, неизвестных мне. Я лично видел, как Алексейцев шел со станции с пулеметом, а вместе с ним шла толпа солдат, вооруженных винтовками, бомбами и проч[им], человек в 20 с лишним. - У этого Алексеяца есть в Брянске родственник, который служит в... милиции. <...> Этому родственнику Алексейцев дал часть награбленного» [23, л.2-2об]. Видимо, слух о погромах

в Льговском поселке распространился по Брянску и окрестностям. И вот около часа ночи уже 13 марта успокаивать красноармейцев явились на бронепоезде со станции Брянск-Орловский какой-то «делегат в штатской одежде» и «военкомбриг-3» Жилин [22, л.1, 53об-54]. Причем начали успокаивать прямо с пулеметной стрельбы. Как показал 5 апреля 1919 г. на допросе в следственной комиссии брянского революционного трибунала заведующий станцией Брянск Московско-Киево-Воронежской железной дороги: «13 марта 1919 г. около 1 ч[аса] броневик, шедший с [станции Брянск]Р[иго-] Орл[овской железной дороги] по путям Полесской [железной] дороги остановился около переезда и вступил в бой с красноармейцами 34-го полка» [22, л.64]. Видимо, настроившись, обе стороны решили вступить в переговоры. Жилин выпустил для этого к мятежникам как раз прихваченного с собой «делегата в штатской одежде». Но не успел тот сказать и пары слов, как его арестовал уже знакомый нам бывший красноармеец Тарашанского полка Захар Нахаёв. Вызволять делегата выскочил из бронепоезда «военкомбриг» Жилин – «с револьверами в руках» [22, л.54, 64], словно киношный ковбой. Действительно, согласно выписанному 7 марта 1919 г. удостоверению, военный комиссар 3-й бригады 4-й стрелковой дивизии Жилин имел в личном распоряжении два пистолета: кольт и французский наган [22, л.69]. Красноармеец Нахаёв, к слову, тоже был пижоном по части вооружения и расхаживал с итальянской винтовкой [22, л.53]. О разговоре Жилина с Нахаёвым постановление следственной комиссии при брянском ревтрибунале говорит так: «Комиссар Жилин с револьвером в руках вышел и обратился к подошедшим к нему красноармейцам, из которых к одному своему будущему убийце (Нахаёву. – Ю.С.) подошел и обратился со словами: "Ты старый солдат и я старый солдат, за что нам враждовать"... Но в это время произошел какой-

то переполох...» [22, л.1]. Сам Нахаёв 14 марта рассказывал об этом товарищам следующее: после того, как бывший тарашанец арестовал штатского, «из броневика выбежал с обнаженным револьвером Жилин и потребовал освободить делегата, причем предупредил, что будет стрелять. Нахаёв ответил ему: "Стреляй". Тогда Жилин выстрелил один раз в воздух. Собралась толпа. Жилин скомандовал броневнику открыть пулеметный огонь. Тут же он пошел к броневнику. Тогда Нахаёв бросил ему вслед бомбу, которая вырвала бок у Жилина. После этого Жилин был перенесен на станцию и через десять минут умер» [22, л.54, 64] .

О том, как бежало после гибели «военкомбрига-3» Жилина красное начальство со своим бронепоездом со станции Брянск-Льговский, можно догадаться по объявлению, опубликованному 18 марта 1919 г. газетой «Известия Брянского уездного исполкома»: «В ночь с 12 на 13 марта помощником Военного Комиссара бригады тов[арищем] [С.] Кохановым, утеряны следующие документы на его имя: о назначении комендантом гор[ода] Новомосковска, Екатеринославской губ[ернии], предписание комиссара 3 бригады о командировании в гор[од] Карачев для ревизии полков за №204 от 8 марта с[его] г[ода]» [45] .

После всего описанного красноармеец Нахаёв «снял с Жилина брюки и сапоги и надел их на себя» [22, л.54] . Также забрал тарашанец у комиссара, убитого им, гимнастерку, часы и оружие [22, л.1] . Дело здесь не только в перебоях с поставками обмундирования, из-за которых формально брянские полки восстали. Из всего, рассказанного выше, а также из того, что нам еще предстоит рассказать, несложно догадаться – раздевание убитого или плененного противника было одной из устоявшихся черт воинского анти-поведения красноармейцев. О том, что красноармейцы практиковали подобное и через год с лишним после описываемых событий, есть показания из двух лагерей. Например, в дневнике, который вел летом 1920 г. служивший при штабе советской 1-й конной армии Семена Михайловича Буденного писатель Исаак Эммануилович Бабель (1894 – 1940). Тогда 1-я конная армия действовала на территории Польши против польской армии. Бабель записывает 5 июня 1920 г.: «...раздетые польские пухлые беловолосые мальчишки, пленные...» [6, с.227] 7 августа: «Труп убитого поляка, страшный труп, вздутый и голый, чудовищно» [6, с.286] . 28 августа: «Испуг и ужас населения. Главное — наши ходят равнодушно и пограблывают где можно, сдирают с изрубленных» [6, с.317-318] . 30 августа: «Взяли станцию. Едем к полотну железной дороги. 10 пленных, одного не успеваем спасти. <...> Пленные все раздеты. У командира эскадрона (взявшего пленных. — Ю.С.) через седло перекинуты штаны» [6, с.321] .

Через несколько месяцев, в ноябре 1920 г., в плен к тем же буденовцам попал в Крыму, под Джанкоем, 21-летний солдат белой Русской Армии генерала барона Петра Николаевича Врангеля поэт Иван Иванович Савин (Саволайнен, 1899-1927), в 1922 г. вспоминавший о днях плена у красных: «Я... с внимательным, хотя и не совсем радостным любопытством осматривал непривычную мне картину: плетущиеся к югу обозы, море красных пятен, извилистые провалы в грязных джанкойских домиках, густую сочную ругань на каждом шагу, группы бесцельно шатающихся красноармейцев у комендатуры — раздевать уже было некого. На бревнах, кирпичачах разрушенных обстрелом зданий и просто в сипло чавкающей грязи расположились тысячи пленных в одном белье, а часто и без него» [83, с.89]. В другом месте Савин снова говорит о том же: «Через весь огромный двор в комендатуре тянулась цепь пленных. Со всех сторон их то и дело ощупывали сотни рук, раздевая, выменивая новое обмундирование на поношенное, на рвань, жадно выискивая в карманах деньги и табак. За полчаса я переменял шесть головных уборов: взамен лазаретной фуражки "санитар" бросил мне шапку, сильно потертую, но теплую. Шапкой прельстился комендантский часовой... "То есть профессор" предложил моему вниманию буденовку с прожженным верхом, ее заменила бескозырка в сгустках крови, бескозырку — цилиндрическая шапка из вагонного плюша. В конце концов, на моей голове красовалась продырявленная тиролька...» [83, с.91-92] Вот еще одна сцена грабежа военно-

пленных красноармейцами: «Ф. отстал шагов на двадцать, сидел на ящике из-под консервов и растерянно улыбался. Рыжий красноармеец стягивал с него сапоги, два других спорили из-за хорошего, на заячьем меху полушубка харьковца. Какой-то матрос сорвал с него шапку и надел ему на голову ведро с незастывшей известью...» [83, с.90]. И еще одна: «Чья-то рука сбоку, сбив с головы фуражку, медленно поползла по моей спине и остановилась. Кто-то радостно сказал:

Таким образом казнили украинцев в бою 13-14/29 г. под Каховкой.

Рис.13. Красноармейцы на захваченном под Каховкой 14 октября 1920 г. белогвардейском танке.

В правом нижнем углу – полностью раздетый труп.

Из книги: Коломиец М.В. Танки в гражданской войне. М., 2014. С.92.

— Ишь ты, куртка! Скидывай, сволочь!

Я снял рубаху. Огромного роста парень в башлыке поверх студенческой фуражки сорвал с меня куртку.

— Ишь ты, новая! А не офицер ты, часом?

— Нет, не офицер, писарь.

К нам подошли трое... Один из них, приложив руку к козырьку и крикнув: "Здравия желаю, господин Врангель!", предложил парню в башлыке:

— Микитка, звездани яво по зеркалу!

Микитка звезданул. Я упал..., из носа пошла кровь.

— Смотри, братва, — слюни пустил! Понравилось!

Микитка звезданул еще. Удар пришелся по голове. Я сполз... в грязь... Мощным движением руки красноармеец в студенческой фуражке поставил меня на колени. В толпе раздался голос:

— Собака и та чувство имеет. Што ты, подлюга, больного человека бьешь? В чекушке (ЧК. – Ю.С.), видно, работал.

Микитка закурил, постучал папиросой по серебряному портсигару.

— Тебя не..., так ногами не совай. Ишь ты, аблокат (адвокат. – Ю.С.) какой нашелся!

<...> Довольно! По мордасям больше бить не буду. А вот крест на нем золотой имеется, так это нам пригодится, в очко сыграем... Сымай крест!» [83, с.92-93]. Словом, раздевший убитого им комиссара Жилина Захар Нахаёв действовал по укоренившемуся среди красноармейцев обычаю.

О том, что творилось среди брянских большевиков после неудачного выступления Фокина перед мятежными красноармейцами и после убийства «военкомбрига-3» Жилина, вспоминал в 1922 г. приятель Фокина, Григорий Людиновский (Г.П.Киреев): «После убийства т[оварища] Жилина, для всех нас стало ясно, что время слов отошло; в ход пущено оружие, которое и должно решить судьбу. В 8 часов вечера мы были в штабе дивизии, помещавшейся около Центр-клуба, в бывшем доме Войтинского (на углу брянских улиц Московской и Сухановской – современных Калинина и Пионерской. В 1960-х годах на месте дома Войтинского выстроили корпус фабрики резино-технических изделий, ныне заброшенный. – Ю.С.). Было много людей, штатских и военных, беспорядочная беготня, всеобщие советы и разговоры, — не было твердой руки, направлявшей и организовавшей оборону города. В самом городе, около штаба, появился конный разъезд ”противника”, т. е. восставших, которые пока ограничили разведкой и агитацией артиллерийского дивизиона (на Трубчевской)» [65, с.92-93] .

Действительно, в полночь с 12 на 13 марта восставшими было издано приказание по 34-му полку №28: «По требованию Президиума 34, 35 [полков] и 3 запасного батальона экстренно выслать по двадцать (20) человек с роты и 20 чел[овек] с конной разведки к штабу полка, которые должны быть вооружены винтовками и др[угим] оружием. Люди поступают в распоряжение Президиума сейчас же и отправляются на площадь к колодцу, конная разведка должна дать (4) четыре верховых лошади. Товарищ Председатель Г.Еремичев» [21, л.2, 3] . Вероятно, упомянутые в этом приказании четверо верховых и усилили сумятицу в большевистском штабе.

Процитированный документ интересен еще и тем, что дает понять, как самоорганизовывались восставшие красноармейцы. Как в русских войсках после издания петросоветом в начале марта 1917 г. пресловутого «Приказа номер первый», так теперь и в частях Красной армии были созданы полковые солдатские комитеты, над которыми стал коллегиальный выборный орган – президиум. Красноармеец 35-го запасного стрелкового полка Ефим Алекашин сообщил на допросе, что секретарем «общего собрания» (возможно, того самого президиума) был избран красноармеец Костюченко. Соответственно, собрание или комитет 34-го полка возглавил красноармеец Василий Королев (вероятно, из Севского уезда), 35-го полка – товарищ Г.Еремичев [21, л.8, 10] . Артельщик 1-й отставной роты 3-го запасного батальона Лаврентий Валерьев называет «самым старшим восставших войск» некоего товарища Краснова [21, л.5] . Одним из начальников «экспедиционного отряда», отправленного восставшими по железной дороге в Навлю и Комаричи (о чем ниже), был красноармеец Григорий Губанов, ранее служивший в Орле, в 1-м советском железном полку [24, л.4об] , отличившемся летом 1918 г. при подавлении Ливенского крестьянского антибольшевистского восстания. Единственными представителями красных командиров (раскомов), названными свидетелями в числе активных участников восстания, были командир маршевой роты 3-го запасного батальона Дятлов и командир «экспедиционного отряда» «красный офицер Кондрашев» [21, л.4, 5, 5об] . Газета «Известия Брянского уездного исполкома» писала 18 марта 1919 г.: «Среди делегатов от мятежников были один или два человека из старого офицерства, которые вели определенную политику противодействия Советской власти. Командный состав почти весь занимал нейтральное положение» [76] . Историографы брянской коммунистической организации в 1927 г. уточнили, что командный состав 3-й стрелковой бригады, «несмотря на угрозы приходящих через каждые 20-30 минут в штаб полка красноармейцев, все же остался на своем [месте] и к восставшим не присоединился» [9, с.57] .

Впрочем, некоторые «краскомы», формально соблюдая нейтралитет, пытались вступить со своими мятежными подопечными в деловые отношения. Например, командир 2-й роты 35-го полка «сочувствующий коммунистической партии» Афанасий Попов, обнаружив, что его подчиненный красноармеец Василий Алексейцев разжился четырьмя револьверами, попросил один для себя. В ответ Алексейцев пообещал: «У меня в милиции в Брянске у родственника есть, и я Вам принесу ”Наган”» [23, л.2об] . Потом Попов накормил еще Алексеяцева хлебом. Однако, не получив обещанного, расписал на допросе в ЧК подвиги Алексеяцева во всей красе. Причем 33-летний брянский милиционер, «сочувствующий коммунизму» Осип Иванович Жирютин, был вынужден после рассказов ротного оправдываться: «Кр[асноармей]ца Алексеяцева знаю потому, что мы приходим с ним из одной деревни. В дни восстания 12, 13 и 14 сего марта я вовсе его не видел и никаких вещей он мне не передавал. В родственной связи с ним не состою и знаком с ним лишь как с однодеревенцем. Поведения он плохого... , а потому с таким человеком я ничего общего иметь не могу» [23, л.15] .

Что касается политической принадлежности восставших или их лидеров, то газета «Известия Брянского уездного исполкома» писала в те дни об этом очень невнятно. 15 марта 1919 г. в приказе президиума брянского уездного исполнительного комитета по городу Брянску говорится, что мятеж в частях Брянского гарнизона возник «на почве агитации белогвардейцев» [44] . 18 марта 1919 г. некто Гр. Петров (вероятно, еще один псевдоним Григория Петровича Киреева, редактировавшего тогда брянскую коммунистическую газету) рассказывал на страницах «Известий Брянского уездного исполкома»: «Безусловно, что дело не обошлось без ”идейных” руководителей, которые от погромной антисемитской агитации и экономических требований, толкнули темные массы на предъявление ряда политических требований, вроде организации ротных комитетов, отмены хлебной монополии, заградительных отрядов, роспуска Чрезвычайных комиссий, перевыборов Совета, командного и комиссарского составов и т.д. Руководители рассчитывали на активную поддержку рабочих Брянского завода (Бежица), Арсенала, железнодорожников и др[угих] организаций, так или иначе на почве продовольствия недовольных распоряжениями Советской власти. Маскируя свои истинные намерения, организаторы открыто не признавались в желании свергнуть Советскую власть, но ведя погромную агитацию, арестовав командный состав и комиссаров, выступая активно против коммунистов и вспоминая Учредилку (разогнанное большевиками в начале 1918 г. Учредительное собрание – всенародно избранный законодательный орган, призванный определить будущее государственное устройство России. – Ю.С.), они выявили свою физиономию ярых контрреволюционеров, объединившихся против Советской власти и с другими политическими группами, враждебными коммунистам» [76] . Никаких претензий к конкретным политическим группировкам и здесь не предъявлялось, хотя на митинге, состоявшемся 12 марта 1919 г. в брянском 4-м тяжелом мортирном дивизионе, комиссар этого дивизиона Ф.Е.Смирнов, два часа споривший с лидером мятежных артиллеристов, помощником командира 1-й батареи Фоминым, говорил, что мятеж – «это дело левоэсеровских банд, который принесет нам рабочим и крестьянам вреда очень много». В ответ Фомин, по позднейшим показаниям Смирнова, будто бы восхвалял «меньшевиков и левых эсеров» [73, с.169] .

Вообще же события в брянских тяжелом и мортирном дивизионах тоже развивались не лучшим для большевиков образом. Когда 12 марта в Брянске узнали о восстании в Льговском поселке, в казармы дивизионов на Трубчевской улице явился председатель брянского уездного совета народных комиссаров большевик Григорий Гаврилович Панков (1885 – 1963) и призвал артиллеристов подготовить пушки для стрельбы по восставшим. В ответ артиллеристы немедленно собрали митинг, на котором заявили: восставшие – «это наши товарищи, которые выдвигают законные требования – нормальное обмундирование, хлеб». Приказы командования артиллеристы выполнять отказались, арестовали комиссара дивизиона Смирнова, а в команди-

ры выбрали помощника командира 1-й батареи тяжелого дивизиона Фомина. Часа через два комиссару дали лошадь и отпустили с миром [73, с.169] . Но не без потерь, поскольку 18 марта 1919 г. «Известия Брянского уездного исполкома» напечатали такое объявление: «Мною утеряна печать Военного Комиссара 4-го мортирного артиллерийского дивизиона. <...> Военно-политический комиссар Смирнов» [45] .

После приезда в расположение артиллеристов разъезда мятежников, в казармах на Трубчевской вечером 12 марта снова замитинговали. И вновь сюда пожаловал Панков в компании члена исполкома брянского совета Григория Климовича Шоханова (1894 – 1935). Долго большевиков слушать не стали и прогнали из казарм. После чего артиллеристы потребовали у комиссара 4-го тяжелого дивизиона Малинина и его помощника Маслова выдать им оружие. Малинин выдал, оправдываясь позже «отсутствием реальной силы и распространением заразы мятежа». А вот командир дивизиона отказался выдать мятежникам три вагона снарядов [73, с.169-170] .

Григорий Людиновский (Г.П.Киреев) продолжает рассказ о том, как переживали ночь с 12 на 13 марта брянские большевики: «В начале Игнат [Фокин] молчал, представив свободу действию военным товарищам. Но после наблюдения за беспорядочностью в самом штабе, мы посоветовались с Игнатом и решили организовать пятерку для руководства военными действиями, куда вошел и Игнат, и немедленно переменили штаб-квартиру, перейдя в помещение Госконтроля (теперь занимает редакция), где и приступили к настоящей работе, взяв с собой необходимых товарищей. Игнат хотя и не знакомый с военной стратегией, но сразу принял активнейшее участие и обсуждении создавшегося положения и в поисках наиболее лучшего выхода из него. А положение было действительно отчаянное. В нашем распоряжении было около 140 вооруженных, кто чем, членов [местной большевистской] организации, под боком ненадежный арт[иллерийский] дивизион и караульный батальон около 150 человек, не внушающий особого доверия, да телеграфное обещание Орла и Калуги выслать не ранее следующего дня кое-какое подкрепление. Организованная разведка информировала о приготовлениях противника. Стрельба на Льговском поселке говорила, что оружие пущено в ход. Все же наш организовавшийся "Реввоенсовет" решил ночью предпринять наступление, чтобы не дать противнику быстро сорганизоваться (вероятно, решение было принято еще до убийства Жилина. Скорее всего, предполагалось ударить по восставшим с двух сторон – от станции действовал бы Жилин с бронепоездом, а от Брянска через Черный мост – Фокин со своими большевиками и караульным батальоном. – Ю.С.). Наши силы равнялись 300 человек. Пошедший вместе с коммунистами караульный батальон, около Черного моста замитинговал и, имея в своем распоряжении 2 пулемета, порешил: не итти ни вперед, ни назад. Положение было действительно "аховое". Еле-еле удалось уговорить карбат (сокращение от словосочетания «караульный батальон». – Ю.С.) возвратиться в город. На Черном мосту был оставлен только караул из коммунистов. Секретная разведка сообщила, что "повстанцы" решили рано утром идти в город "громить власть, большевиков, жидов и магазины". Сведения подтверждались из разных источников. Помощи и скором времени ждать было неоткуда. Прибывали отдельные группы милиции и членов ближайших [большевистских] организаций (Бежицкой, Радицкой и т. п.), но все это было ничто, в сравнении с пятитысячным хорошо вооруженным "противником". Наступало утро... Штаб решил на всякий случай перенести свою резиденцию в другое место, так как с часу на час ждали прихода восставших и "противнику" было хорошо известно, где находится командование, так как к помещению штаба прибывали и уезжали курьеры и наша разведка. Трезво оценивая создавшееся положение, ясно было видно, что события надвигаются и выхода нет, помощь слишком запаздывает. Мы вдвоем с Игнатом выходим из штаба около 7 часов утра и идем на новое место, в Авраамовский дом (псевдогоготический особняк лесопромышленника Василия Михайловича Аврамова на Никольской улице, Петровской горе.

Ныне улица Февральская, а особняк принадлежит Брянской митрополии РПЦ МП. – Ю.С.), где помещался Исполком, куда решено было перевести штаб. Лицо у Игната усталое от тревожной и бессонной ночи, но он спокоен и, даже шутя, меня спрашивает: ”ты умеешь обращаться с этой штукой?” Штука из себя представляла семифунтовую бомбу, которую я еще с вечера захватил в комитете и тащил с собой для ”последней закуски”. Я ответил, что дело знакомое, и мы в разговорах незаметно дошли до Исполкома. В Исполкоме услужливый кучер или завхоз..., сознавая опасность положения, спросил у Игната, не приготовить ли на всякий случай лошадей. Игнат резко сказал — не нужно, — хотя мы в этот момент с ним были только вдвоем. Мы остались в штабе, ждать хода разворачивающихся событий» [65, с.92-94] . Как видим, отчаяние брянских большевиков было столь велико, что их лидер хотел, наподобие современных террористов-смертников, взорвать и себя, и мятежников, коли те доберутся до него.

Уже утром 13 марта оперативному штабу, созданному президиумом брянского уездного исполкома для руководства противодействием восстанию, стал ясен невеселый расклад сил: «Широкая агитация распространилась и на другие части гарнизона, находящиеся внутри города, которые сначала отказались от активного противодействия восставшим, после же частично приняли их сторону» [76] . Кроме того, по словам автора «Известий Брянского уездного исполкома», «рабочие [Брянского] арсенала не проявили той активности, которой отличается революционный пролетариат, и даже некоторые из них (меньшинство) вместе с буржуазными обывателями плательщиками чрезвычайного налога в душе радовались развернувшемуся обороту дела. Шкурные интересы, ”свободный провоз” (имелся в виду свободный провоз по стране продовольствия, запрещенный большевиками в интересах их «продовольственной диктатуры». – Ю.С.) и отмена чрезвычайного налога более понятны этим господам, чем Советская власть, борющаяся за мировую социальную революцию» [76]. Странно, если бы последнее было иначе.

Тем не менее, брянский оперативный штаб отправил просьбы о вооруженной помощи кроме Орла и Калуги, еще и в Курск, Смоленск, Унечу и Москву. В ожидании, с одной стороны, этой помощи, а с другой – для предотвращения похода восставших на Брянск, оперативный штаб решил развязать в расположении мятежных частей «долгоиграющий» митинг и вместо действий увлечь мятежников говорильней. С этой целью в созданный восставшими брянский гарнизонный комитет был командирован «представитель от комсостава, имевший специальное задание всячески противодействовать выступлению восставших на Брянск» [9, с.57] . Кроме того, к восставшим отправилась делегация рабочих Брянского арсенала во главе с неким товарищем Бодровым, которая «много смягчила обострившийся кризис, приняв на себя роль посредника в переговорах между обеими сторонами...» [76; 9, с.57] Вместе с тем, нашлись дела и для горевших нетерпением мятежников.

6. «ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ РЕЙД» ВОССТАВШИХ В НАВЛЮ И КОМАРИЧИ.

13 марта 1919 г.

Значительная часть восставших, чего и следовало ожидать, «успела дезертировать по разным путям» [76] . Но часть их, вошедшая, видимо во вкус во время погромов и грабежей в Льговском поселке, решила, что называется, «рвануть» по железной дороге сначала на станцию Навля, где находился 1-й заградительный отряд брянского районного продовольственного комиссариата (райпродкома) в количестве 30 так называемых продармейцев [24, л.14] , а потом на станцию Комаричи, где квартировал 9-й реквизиционно-продовольственный отряд [24, л.3] . Восставшие, видимо, полагали, что у продармейцев можно будет пожить на реквизированным продовольствием, а также воинским имуществом. Кроме того, в Комаричах при станции жило какое-то количество еврейских семей...

О том, как происходило формирование «экспедиционного отряда», рассказывал 17 марта 1919 г. на допросе красноармеец 3-го запасного батальона Лаврентий Валерьев: «13 марта я

вновь отправился на станцию, где задержал меня самый старший восставших войск – называли его т[оварищ] Краснов, который первоначально ударил меня за то, что я обезоружил Дятлова (примкнувшего к мятежу командира маршевой роты 3-го запасного батальона. Стычка Валерьева с Дятловым описана выше. – Ю.С.), и приказал ехать мне с отрядом на ст. Навля, для разоружения заградительного отряда, на что я и согласился. Отрядом этим командовали и руководили красный офицер Кондрашев и какие-то два рабочие» [21, л.5об] . Как видим, к восставшим успели присоединиться и некоторые брянские рабочие, имевшие, о чем уже говорилось, немалый «зуб» на большевиков. Кроме того, очевидец, наблюдавший действия «десанта» брянских мятежников вечером того же дня, 13 марта 1919 г., в Комаричах, рассказывал, что среди брянцев был один «одетый в матросскую форму» и с наганом в руках [24, л.5об] . Надо сказать, что еще летом 1918 г. матросы (возможно, оставшиеся от армии Ремнёва) активничали в Брянске: 26 июня они даже собирали «районный съезд матросов» [8] . А чуть позже об одном из инициаторов созыва этого съезда брянская газета писала: «Матрос Остриков. Гордый, на вид – принц голубой крови. Бравый спортсмен и меткий стрелок из «Кольта» (как видим, не один покойный комиссар Жилин предпочитал эту марку пистолетов. – Ю.С.). Свирепый временами взгляд апаша (т.е. хулигана по-французски. – Ю.С.), главное во время кутежей. Революционный начальник и неистовый участник всевозможных реквизиций. <...> В пьяном угаре кому-то бравирова хвалился, что за время революции прокутил полмиллиона денег. Обыватели при виде его, разъезжающего на лошади, сгибали спины и прятались, как от призрака. <...> Исчезновение его – заключают некоторые, тесно связано с ограблением кассира Мальцевской [железнодорожной] ветки» [5] .

Рис.14. Стация Навля Московско-Киево-Воронежской железной дороги. Открытка начала XX века.

Надо сказать, что красноармеец Валерьев «крайним» быть не захотел и решил нанять «десантников» для навлинской «экспедиции» тем же манером, которым завербовали его самого. Как показал на допросе 16 марта 1919 г. 21-летний красноармеец 3-го запасного батальона Федор Блинов, «на другой день восстания товарищ по службе Лаврентий Валериев, выгонял всех из роты, чтобы мы брали винтовки и шли с восставшими. Но мы его приказу не подчинились и [он] ударил моего товарища, фамилия его Иван Мерзляков, и все мы стояли возле казармы» [21, л.4об] .

Так или иначе, но восставшие собрали около 400 вооруженных человек (среди которых был и знакомый нам красноармеец Алексейцев, уже порядком обогатившийся в Львовском поселке), погрузили их не то в пять, не то в шесть вагонов, прицепили паровоз и понеслись к Навле. Причем часть «десантников» просто намеревалась дезертировать в родные места, как говорится, «с ветерком» [24, л.14, 4, 7]. Наш знакомый красноармеец Валерьев так рассказывал на допросе о своем путешествии: «На разъезде за ст[анцией] Синезёрки я достал от каких-то красноармейцев спирту и напился допьяна и не помню, что уже происходило дальше. Но когда отрезвел в Комаричах, то уже отряд был на обратном пути со ст[анции] Навли. Может быть, я принял какое участие во время поездки в Навлю, но настолько был пьян, что ничего положительно не помню» [21, л.5об]. Что же, казак Валерьев придумал хорошее оправдание для того, чтобы не вдаваться в детали своих приключений перед следователем. Хотя свидетелей и потерпевших в этом деле и без него хватило.

От станции Брянск-Льговский, где восставшие сформировали «экспедиционный отряд», до Навли примерно 40 километров. На станции Навля за старшего был помощник начальника 1-го заградительного отряда 33-летний Андрей Павлович Курашов. Накануне бывший начальник заградотряда – скорее всего, Шатохин – прислал Курашову телеграмму: «В Брянске восстание». Месяц назад, о чем уже говорилось, навлинский заградотряд сам бунтовал против большевиков. Вероятно, пострадавший тогда Шатохин боялся повторения мятежа. Боялись и за судьбу продовольственного склада. Поэтому Курашов тотчас после получения телеграммы «поставил весь отряд охранять склад с продуктами». Вскоре с тем же требованием – усилить караулы – пришла телеграмма из брянского ревтрибунала. Курашов счел своим долгом телеграфировать о брянском мятеже в Комаричи, командованию 9-го продовольственно-реквизиционного отряда. Днем 13 марта на станции Навля стало известно, что на ближний полустанок «прибыла банда вооруженных... в количестве 400 человек...» Курашов приказал своим заградотрядовцам «быть осторожнее» и минут через десять отправился с делопроизводителем отряда Николаем Пироговым... «на поселок Навля обедать» [24, л.14-14об].

О том, что было дальше, Курашов рассказал на допросе 26 июля 1919 г.: «Вдруг слышим сильную стрельбу из пулемета и винтовок, и [в] поселке уже были бандиты. Мы тогда с т[оварищем] Пироговым побежали, где и отряд мой тоже стал спасаться по лесу, по отряду начали стрелять бандиты. Я тогда с Пироговым спрятался в пустое помещение, [в] подпол. Бандиты по указанию граж[дан] поселка пришли к нам, где мы были спрятаны, но первый раз они нас не нашли. Тогда им сказали еще раз граж[дане] поселка, что мы здесь. Тогда они пришли вторично и стали стрелять в пол, где мы лежали под полом. Они стали ломать пол. Тогда мы вылезли, то нас стали избивать прикладами и кушаками, ставили 2-а раза расстреливать, но благодаря моей агитации, Курашова, удалось банду убедить, что мы не сами от себя работали, а от высшего центра г. Москвы. <...>...Когда они нас повели по поселку и опять стали бить прикладами, мне, Курашову, пробили голову в 2-х местах, прикладами выбили правую руку и сустава плеча, и Пирогову пробили голову в 3-х местах сильно... После избитья стали нас раздевать. Сняли все, оставили в одном ночном белье и босых. Повели нас к складу продуктов. Но уже там все было разграблено. Тащили кто куда попало. Тогда бандиты повели нас в бывшие наши казармы за 2-е версты босых и в ночном белье по снегу и по воде. Прибывши в казармы бывшего отряда, стала банда разбивать чашки. На складах артельщика и каптенармуса забрали там все обмундирование, снаряжение, оружие и продукты, и разбили все ящики продармейцев и забрали даже все черное (т.е. грязное, нестиранное. – Ю.С.) белье. Покончат всего этого погрома они, банда, нас взяли с собой в Комаричи. <...> С меня, Курашова, было снято теплый френч защит[ного] цвета, френч лет[ний] чер[ного] цвета, теплые брюки, новые сапоги, фуражка, часы, кольцо, бумажник казенных денег ...руб[лей], а своих 250 руб[лей]. А [с] Пирогова зимний френч ...чер[ного] цвета и такие [же]брюки, гимнастерку, фуражку, часы,

кольцо, бумажник с 280 руб[лями] денег. Совершенно пустили пустыми и почти нагими и избитыми, окровавленными...» [24, л.14об-15об]. Что же, почерк знакомый.

От Навли до Комаричей – около 50 километров. О том, что происходило в Комаричах около 20 часов 13 марта 1919 г. рассказывал через две недели дознавателю орловского губернского продовольственного комиссариата дежурный по станции Комаричи Никита Кузьмич Сигаев: «Я должен был отправить резервный паровоз 3002 для уборки груженых вагонов на станцию Навля. По отправке в разъезд Аркино паровоза 3002 я получил запрос от дежурного разъезда Аркина – могу ли я принять паровоз за №3001. Меня удивило, откуда может быть на нашу станцию резервный паровоз. Я запросил об этом дежурного, он ответил, что не знает, т.к. ему был запрос со станции Брасово. На этом я и успокоился и согласился принять. Здесь присутствовали во время переговора конторщик Баханов, машинист Меренков, осмотрщик Сериков и кондуктора. Минут через 15 прибыл паровоз и 6 вагонов. Меня до этого дежурный Аркина предупредил, что паровоз не один, а с несколькими вагонами. Тотчас по прибытии получился крик, тут ко мне в кабинет ворвались несколько человек с винтовками наперевес, началась стрельба около станции, затем они ввалились в дежурную. Не знаю, но никого не тронули, поставили часовых в телеграфе и дежурной комнате и по телефону разрешили говорить только при них. Поездов отправлять не разрешили. Потом пришла смена, и я ушел домой. В[опрос]. Было ли Вам предупреждение с какой-либо станции о следовании вооруженных людей? О[твет]. Нет» [24, л.6] .

О том же говорит и старший по дежурству телеграфа станции Комаричи Феодосий Терентьевич Гроза: «Вечером 13 марта я находился на телеграфе. Около 8 часов (точнее, в 20 часов 5 минут. – Ю.С.) прибыл какой-то поезд, именованный соседним разъездом паровозом №3001. Оказалось, с паровозом было 5 или 6 вагонов. Моментально началась стрельба из винтовок с криками ”бей коммунистов, режь жидов”. Так как я коммунист, то постарался укрыться. Весь прибывший отряд рассыпался по всему поселку и станции, обыскивал проходящих, заходил в дома жителей поселка и производил грабеж. Делали обыск в помещениях железнодорожных служащих. У меня на квартире производили тоже обыск, но ничего не взяли» [24, л.7] . Находившийся тогда в Комаричах уполномоченный дмитровского уездного комиссариата по продовольствию Алексей Сергеевич Опенин подтверждает: «Некоторые (из приехавших брянских красноармейцев. – Ю.С.) говорили, что у них лозунг был: ”бей жидов – режь коммунистов”» [24, л.6] . О том же говорит наблюдавший все это воочию агент орловского центразакупа (учреждение, которое в отличие от комиссариата по продовольствию, последнее не реквизирировало, а закупало оптом) Елиазар Абрамович Перлин: «Это была, по моему мнению, просто банда, которая свои грабительские намерения прикрывала лозунгами – ”бей жидов, долой коммунистов, долой реквизиционные отряды, борьба с засильем комиссаров”» [24, л.6об] .

Через пять минут после прибытия в Комаричи «экспедиционного отряда» восставшего Брянского гарнизона стало известно, что за разъездом Погребы порваны провода телеграфной линии, соединявшей Комаричи с Навлей [24, л.6, 7] ... Как вскоре выяснилось, главными целями для мятежников были цейхгауз 9-го продовольственно-реквизиционного отряда и квартиры продармейцев, советского начальства и евреев. Вместе с тем, часть приехавших, ранее от мобилизованных в Красную армию, вероятно, здесь, в Радогощской волости Севского уезда Орловской губернии (ныне Комаричский район Брянской области), сразу кинулась врассыпную по родным деревням [24, л.4-4об] .

А что же бойцы и командиры того самого 9-го продовольственно-реквизиционного отряда, что находился в Комаричах? Ведь это были вооруженные и вполне опытные по боевой части люди? Начальника продотряда искали вечером 13 марта и мятежники, и свои, но не нашли – а к концу месяца никто в Комаричах не помнил даже его фамилии [24, л.4, 5об] . Как рассказывала дознавателю в конце марта 1919 г. квартирная хозяйка начальника 9-го продотряда

Антонина Федоровна Трунова: «Около 8 часов вечера я была на улице. Вдруг послышалась стрельба. Через несколько времени бежит толпа вооруженных и направилась к милиции, а оттуда к нашему дому, и спрашивают н[ачальни]ка отряда. Я ответила, что его нет. Но они ворвались в дом и начали самый безобразный обыск. Всюду искали: и на кухне, и на дворе. У н[ачальни]ка в комнате все перерыли, разломали корзину, все оттуда забрали, взяли походную сумку, папаху и другие вещи. Я протестовала, но они не обращали внимания. У меня перерыли комод, буфет, тоже забрали кое-что. По уходе первой партии, вскоре зашла другая и тоже начала обыск. Все время старались найти н[ачальни]ка и угрожали расстрелять его» [24, л.60б].

Также дорвались брянские «десантники» (а за компанию с ними, наверняка, и комарицкие мужики) до канцелярии 9-го продотряда. Утром 14 марта в этой канцелярии побывал агент орловского центрзакупа Перлин, через две недели вспоминая: «Мне представилась картина полного беспорядка – бумаги порваны, валялись на полу, залитые керосином, чернилами и затоптанные ногами, на полу нагажено» [24, л.60б]. В общем, некоторые сцены погрома в Комаричах напоминают то, что творилось в этих краях в 1905-07 гг. Как рассказывал писателю Алексею Максимовичу Горькому участник таких погромов в Орловской губернии в 1905 г. Иван Егорович Вольнов (1885 – 1931): «Старик один – тихий такой старичок был – нашел где-то дворянскую фуражку и, знаете, серьезно так – мочится в нее» [32, л.8] ... Тогда, в 1905-07 гг., крестьяне уничтожали собственные долговые обязательства, а также учетные документы и архивы разоряемых имений и хуторов. Теперь же, видимо, всякого рода планы по продразверстке, доносы комитетов бедноты (комбедов) и прокоммунистических активистов на односельчан, утаивших от власти продовольствие – и тому подобное... Сцена у цейхгауза 9-го продотряда тоже напоминает грабежи имений в 1905 г.: «У цейхгауза отряда толпилось много народа, стояли подводы, которые нагружались продуктами из цейхгауза» [24, л.60б].

Находившийся тогда в Комаричах уполномоченный дмитровского укомпрода Опенин, по его собственным словам, «увидел, [что]какие-то солдаты разбирают продукты в цейхгаузе, [и] направился туда. Когда я подошел к амбару, – продолжает Опенин, – со своим сторожем, мне говорят, что посторонним заходить нельзя. Я ответил, что посторонних здесь нет, и, обращаясь к ним, говорю: ”Товарищи, так делать нельзя. Продукты принадлежат союзу, а не реквизиционному отряду. Они союзом уже оплачены по квитанциям”. Тогда приступили ко мне, наставляя оружие, спрашивая документы. Я и этим сказал, что служащий союза и что документов у меня нет. Спросили также, коммунист ли я. Я отказался. До конца разграбления я не присутствовал. При возвращении к своим служащим, ко мне подошел н[ачальни]к этого 2 отряда, по указанию неизвестных лиц, что я коммунист. Наставляя наган, он спросил у меня документы. До 3 раз я ему отвечал, что у меня официальных документов нет, а есть простые бумажки. ”Если хотите посмотреть, могу показать”, – и вынул настоящие свои документы. Но он смотреть их не стал, и обращается – коммунист ли я? Я и этому ответил, что служащий союза. Это подтвердили другие служащие...» [24, л.50б]. Когда на четвертый день после визита в Комаричи брянского «железнодорожного десанта» здешний цейхгауз принял политический и экономический контролер от Севского уезда Антон Михайлович Тимашин, в хранилище оставалось «только 1 пуд 35 ф[унтов] ржи, 7 пудов проса и жмыха» [24, л.50б] – и всё.

Если так было с начальством, то стоит ли удивляться малодушию простых продармейцев? Вот, например, что рассказывал о событиях 13 марта 1919 г. в Комаричах продармеец Захар Дмитриевич Фролов: «[Я] должен был сменить дежурного продармейца на станции. Ходил по платформе с этим продармейцем. Поезда никакого не ожидалось. Говорили, что идет один вагон. Когда пошел на станцию, то оказалось шесть вагонов. Не успел оглянуться, как из вагонов начали выскакивать вооруженные люди и открыли стрельбу. Я побежал на поселок Комаричи, чтобы предупредить н[ачальни]ка, но н[ачальни]ка [было] не найти, и люди уже как видно разбежались. Некоторых я все же встретил... и сказал, что наш отряд хотят разоружить.

Потом я с другим товарищем... был арестован, [но] убежал в лес, а когда все утихло, вернулся обратно. По пути назад, я встретил товарища, который был арестован приехавшими вооруженными бандитами, но освобожден благодаря тому, что среди них был его какой-то знакомый человек, и он его выручил. У меня на квартире были и забрали... мою и других продармейцев патроны, белье и кое-что другое» [24, л.4] .

Продармеец Стефан Никифорович Фокин показал следующее: «Часов в 8 вечера [13] марта я шел на ужин с товарищами. Вдруг со стороны станции мы услышали пулеметные и ружейные выстрелы беспорядочные. Оружие у нас было на квартирах. Застигнутые врасплох, мы кинулись бежать. Я побежал на один из огородов поселка и схоронился, в виду того, [что] какие-то вооруженные люди рассыпались в цепь по поселку. По окончании стрельбы и когда немного еще было видно, я вышел на улицу, но здесь меня три человека схватили, арестовали и стали обыскивать – нет ли оружия, денег, спросили, не из реквизиционного ли я отряда? Я ответил, что еду в Брянск на службу. Поводили несколько и отпустили. Обращались грубо, угрожали револьвером, расспрашивали, где н[ачальни]к и другие чины отряда. Я ничего им не указал, говоря, что нездешний. <...> В[опрос]. Не делал ли кто попыток собрать продармейцев, чтобы дать отпор? О[ответ]. Никто, т.к. о прибытии поезда никто ничего не знал, мы были захвачены врасплох, люди разбежались и невозможно было бы собрать. В[опрос]. Когда вас отпустили, куда вы ушли? О[ответ]. Я ушел прямо домой. Винтовки не захватил, т.к. был перепуган, но она оказалась цела, ее схоронил товарищ» [24, л.4] .

А вот рассказ продармейца Никифора Ивановича Фокина (возможно, отца предыдущего рассказчика): «Я был назначен в канцелярию к арестованному. В канцелярии находились делопроизводитель, писарь и арестованный. Делопроизводитель и писарь куда-то вышли и сказали, что скоро вернутся. Вдруг я услышал стрельбу на станции, потом недалеко от канцелярии шум, крик и бегают люди. В канцелярию вошли три человека, вооруженные один винтовкой, другой револьвером, третий бомбой, меня арестовали, а арестованного освободили. Забрали винтовки и меня вывели, а оставшиеся в канцелярии не знаю что делали. На улице меня все-таки отпустили, я пошел на квартиру» [24, л.4об] .

Жители Комаричей – возможно, натерпевшись за время «продовольственной диктатуры», а возможно, и поддерживая очередной «праздник непослушания», обещавший определенную материальную выгоду, – продармейцев отнюдь не жаловали и с охотой выдавали приезжим красноармейцам. Например, квартирный хозяин двух продармейцев: уже знакомого нам Никифора Фокина и Максима Петровича Сорокина, Игнатий Адамович Дмитрюк, услышав стрельбу, «вышел на улицу узнать, в чем дело». О дальнейшем Дмитрюк рассказывал так: «Пройдя саженой пятьдесят, я встретился с какими-то вооруженными солдатами, с ними был гражданин Гоголь, служащий на мельнице (представители этой фамилии до сих пор живут в Комаричах. – Ю.С.). Гоголь сказал, назвавши меня по имени и отчеству: “У вас есть из реквизиционного отряда люди”. Я ответил, что есть. Одна партия побежала по домам, другая в мой дом...» [24, л.5]. Продармеец Никифор Фокин рассказывал об этом эпизоде несколько иначе: «На квартире были другие товарищи. Наш хозяин... начал на нас ругаться и поносить нас всячески, и сказал, что пойдет, приведет приезжих солдат, чтобы нас арестовать. Мы никуда не уходили. Действительно, он пришел с несколькими вооруженными. Нас арестовали и повели в вагон, но на дороге встретили другую партию солдат, которые посоветовали отпустить нас. Одного из нас они ударили еще на квартире. У нас у всех брали белье и другие вещи» [24, л.4об] . Эту версию событий подтвердил и сосед Фокина по квартире, продармеец Максим Сорокин [24, л.4об-5] .

Продармеец Петр Михайлович Милютин, сосед по квартире знакомого нам Захара Фролова, после 20 часов 13 марта уже спал, когда за ним явились брянские мятежники: «Я спал, когда ко мне пришла хозяйка, разбудила, чтобы я шел в комнату. Там были какие-то воору-

женные люди, человек семь с револьверами и с... винтовками. Когда я вошел, крикнули мне "руки вверх" и начали обыскивать, надеясь найти оружие. Затем они забрали наши винтовки, патроны, объявили меня арестованным и повели меня из хаты. На улице поручили отвести на станцию одному. Потом опять остановили и стали вновь делать обыск. Нашли 300 рублей и часы. Все время угрожали револьвером. В это время среди их отряда оказался мой знакомый Григорий Губанов, с которым мы служили в Орле, в Красной армии, в 1-м железном полку. Он взял меня... [от] этих людей в сторону. Хотя ему и кричали: "Куда повел!", он не обращал внимания на них (он был у них каким-то н[ачальни]ком). Поводя меня несколько, он сказал, чтобы я скорее уходил, а то может быть плохо, сам же побежал на станцию, отряд его уже собирался отъезжать. С Фроловым встретились мы, пошли на квартиру, где было все забрано, перерыто. В эту ночь я ушел, т.к. думал, что отряд опять вернется. В[опрос]. Кто указывал ваши квартиры, где цейхгауз отряда? О[твет]. Я не знаю, но думаю, кто-нибудь из местных жителей» [24, л.4об] .

Впрочем, в проводники к брянским гастролерам напрашивались не только комаричане. Политический и экономический контролер в Комаричах от Севского уезда Тимашин в конце марта 1919 г. на вопрос дознавателя: «Не можете ли указать, кто показывал расположение отряда, квартиры должностных лиц?» Ответил: «Не знаю, но передавали мне, что будто бы указывал один из продотряда, но утвердительно не могу сказать» [24, л.5об] .

О том, как брянские «десантники» расправлялись с комаричским начальством, есть свидетельства самого этого начальства. Агент орловского центрзакупа Перлин рассказывал: «Приблизительно в 8 часов вечера 13 марта я услышал выстрелы на станции, после чего, спустя минут пять, ко мне в квартиру ворвались 6 вооруженных человек в красноармейской форме. Под предлогом отобрания оружия и поисков какого-то комиссара, причем они говорили, что им указано на мою квартиру. После произведенного обыска, когда был найден револьвер, не показанный им, несмотря на их требование выдать оружие, они меня арестовали, причем обшарив карманы, взяли кошелек, в котором находились мои и казенные деньги, приблизительно около 2-х тысяч. Кроме того, взят кожаный чемодан, в котором находилась диагональ (ткань. – Ю.С.) 2 аршина 7 вершков и белье и повели меня как арестованного на станцию, угрожая расстрелом, но вследствие их взволнованности и какой-то лихорадочной вспышки мне удалось ускользнуть и я пришел на поселок. <...> Прибывшие разошлись партиями по всему поселку, человек по 5-7 – под предлогом поисков оружия и желания найти н[ачальни]ка отряда, в то же время производя грабеж у мирных жителей. В случае сопротивления угрожали оружием, наводя на весь поселок большую панику. Все время в продолжение около часового пребывания... бандиты стреляли в воздух, изредка взрывая ручные гранаты» [24, л.6-6об] .

В это время в вагоне воинственного брянского поезда мерзли в одном исподнем белье захваченные в Навле помощник начальника 1-го заградительного отряда Курашов и заградотрядовский делопроизводитель Пирогов. Позже Курашов рассказывал: «Когда прибыли они в Комаричи, открыли страшную стрельбу в поселке и стали обезоруживать отряд и грабить мирных жителей. Когда стали приносить награбленное в вагон, где стоял у них безмент (весь?) и мы в этом вагоне сидели арестованные, ...награбленное они стали делить промежду себя: сапоги, ботинки, платья, прочие вещи и леворверы, пошла у них промежду себя драка... В это время мы воспользовались побегом» [24, л.15] ...

Тем временем брянские гастролеры добрались до немногочисленных комаричских евреев. Здесь «работали» по отлаженному до автоматизма плану, использовавшемуся еще в 1918 г. и красногвардейцами Особой армии Ремнёва, и красноармейцами Таращанского полка: врываются в квартиру, требуют сдать оружие. Когда хозяева начинали уверять гостей, что оружия нет, хозяевам не верили – и начинали обыск, забирая все, что понравится. Вот как об этом рас-

сказывала через несколько дней местному милиционеру 35-летняя гражданка поселка Комари-чи Радогощской волости Анна Исаевна Пивоварова: «13-го марта с[его] г[ода] в восемь часов

Рис.15. Красноармеец, отнимающий хлеб у ребенка. Художник И.Е.Репин, 1918 г. Санкт-Петербург, Константиновский дворец (Дворец конгрессов). Инв. КД Ж 116.

вечера ко мне в дом пришли три вооруженных красноармейца, которые спросили, что русские или евреи. Я им ответила, что евреи. Они стали спрашивать оружие. Я ответила, что у нашей кв[артире] оружия не имеется. Они же не поверили и стали производить обыск. Произведя обыск и не нашедши оружия, ушли обратно. После ихнего ухода, пройдя некоторого времени, пришла вторая партия, которая стала стучаться, чтобы им открыла дверь. Я им дверь не успела открыть, тогда они сильным толчком ее сами открыли и приступили в квартире искать оружия, и не найдя оружия, стали на меня угрожат[ь]ся, и спрашивать, где хозяин. Хозяин мой в это время был в отлучке, не было дома. Видя, что в квартире оставаться больше невозможно, я ушла из кв[артире]. Они же, сделавши обыск, не найдя оружия, взяли у меня следующие вещи: шесть аршин топ[ь] цветного (ткани - Ю.С.) ... , большой красный теплый пла-ток, пять аршин холсту..., одну пару муж[ских] ботинок, дюжину платков носовых, полдюжины салфеток столовых, две пары чулок черных суконных, полдюжины столовых ложек и три чайных, 10 фун[тов] сахару раф[инаду], ½ (фунта?) чаю и около тысячи рублей денег...» [24, л.16].

После аналогичной увертюры у 46-летней Цыни Яковлевны Соколовой «изъяли следующие вещи: одну пару сапог муж[ских], две пары жен[ских] ботинок, три пары галош, шесть пар белья муж[ского], полдюжины полотенец и три фунта мыла» [24, л.16об] . У 57-летнего Лесьвика (?) Целековича Агроскина, «не найдя оружия, забрали... одну пару сапог муж[ских], одну пару ботинок жен[ских], две пары галош жен[ских] и одну пару муж[ских], шапку каракулевою муж[скую], бритву, портфель кожаный, три пары брюк суконных, один костюм суконный и одни туфли жен[ские], семь арш[ин] шер[стяного] дамсуон (ткани. – Ю.С.)... и кусок полотна 24 арш[ина]. Кроме этого, из полученного пайка из ...общества потребителей узято шесть арш[ин] сукна, шесть арш[ин] холста, пять кусков духового мыла, пять катушек ниток, фунт чаю, 5 фун[тов] сахару и кошелек с деньгами, в котором находилось денег около двух тысяч руб[лей]...» [24, л.16об] У 39-летнего Мейера Лейбова Липкина при подобных обстоятельствах те же персонажи там же забрали: «12 арш[ин] черного сукна, три аршина салфеток бел[ых], три алмаза, двое часов карманных, одна серебряная браслет, два фунта чаю, 25 ф[унтов] рафинад[ного] сахара и 30 ф[унтов] сахар[ного] песку, две пары галош и кошелек с

деньгами, в котором находилось 2500 р[ублей] ...и одно золотое кольцо...» [24, л.17] . У 53-летнего Салмана Залмоновича Малахова, трудившегося, видимо, сапожником, брянские мятежники, «не найдя оружия, ...узяли... двадцать пар сапожных головок..., полторы кожи хрому, брюки с жилеткой суконной и одну тужурку сук[онную]» [24, л.17] . Сама собой напрашивается здесь параллель из «Конармейского дневника» И.Э.Бабея. Наблюдая поведение красноармейцев 1-й конной армии в захваченном ею польском Сокале, И.Э.Бабель 26 августа 1920 г. записал: «Жида все прячут. Сапожник, сокальский сапожник, пролетарий. Фигура подмастерья, рыжий хасид — сапожник. Сапожник ждал Советскую власть — он видит жидоедов и грабителей, и не будет заработку, он потрясен и смотрит недоверчиво. <...> Еврейский квартал. Неопишная бедность, грязь, замкнутость гетто. Лавчонки, все открыты, мел и смола, солдаты рыщут, ругают жидов, шляются без толку, заходят в квартиры, залезают под стойки, жадные глаза, дрожащие руки, необыкновенная армия» [6, с.314] .

Вернемся в Комаричи марта 1919 г. У 30-летней Марии Борисьевны Зискантовой (возможно, Зискинд) мятежные красноармейцы забрали 30 аршин полотна белого, три столовых скатерти, пару женских ботинок, две пары дамского и две пары мужского белья. У 53-летнего Мордоха Яселева Вельковского — пару мужских сапог, пару резиновых ботов, две каракулевых шапки, две фуражки и 5 фунтов колотого сахара. Наконец, у гражданина поселка Комаричи Федора Аменова Трунова брянские гости, ожидаемо не обнаружив оружия, забрали пару подушек, 13 фунтов сахарного песку и т.д. [24, л.17об-18].

Пребывание в Комаричах десантного отряда от восставшего Брянского гарнизона длилось, согласно показаниям разных свидетелей, от часу до трех часов. «Прибарахлившись», брянские гости «быстро собрались к вагонам и, уезжая, открыли пулеметный огонь» [24, л.6об, 7] . К счастью, никого не убили. Ночью в Комаричи прибыл комендант из Севска, связавшийся по телефону с исполкомами Дмитровска-Орловского и Дмитриева-Льговского. Наутро «из Дмитриева и из Курска курсанты прибыли [и] все было улажено. Дмитриевский [отряд] побыл часов 6 и отправился [домой], а курсанты проехали, как говорили они, до Навли» [24, л.5об] .

Когда красноармеец 35-го полка Василий Алексейцев приехал из Навли, то очень хотел есть. Он попросил у своего ротного Попова кусок хлеба. Ротный дал. Потом, по воспоминаниям Попова, Алексейцев лег спать: «Наутро его уже не было» [23, л.2об] . Красноармеец 3-го запасного батальона Валерьев, воротившись после «трудов праведных» в Комаричах в брянский Льговский поселок, «пошел в казарму и лег спать и проснулся утром уже 14 марта и из казармы более никуда не отлучался» почти до 16 часов 14 марта. Потом Валерьев решил сходить в Брянск и попариться в баньке. Но его арестовал патруль на Черном мосту [21, л.5об] . Дело в том, пока Валерьев сотоварищи разбойничал на железной дороге, судьба мятежа в Брянском гарнизоне разрешилась не в пользу восставших.

7. «МЯТЕЖ НЕ МОЖЕТ КОНЧИТЬСЯ УДАЧЕЙ». 14 марта 1919 г.

Как уже говорилось, большевистское руководство Брянска, ожидая себе военной помощи, постаралось 13 марта втянуть восставших красноармейцев местного гарнизона в митинговую болтовню и отвлечь от действий. Это большевикам вполне удалось. Как рассказывал на допросе через неделю после мятежа 24-летний красноармеец 35-го полка Иосиф Вольтинцев: «13-го до обеда я был в казарме, а после обеда пошел на митинг. На митинге приехавший рабочий, как он сказал, с броневика (т.е. с бронепоезда. — Ю.С.), фамилии не знаю, спросил, чего товарищи выступаете; после этого выступил солдат т[оварищ] Королев, не знаю какой роты, полка кажется 35 полка и сказал, что мы требуем перечистки советов, обмундирования, хлеба. Рабочий с броневика, одетый в черную тужурку, в черную шапку штатского образца, смуглого лица, русые волосы, среднего роста, бритый, очень молодой, сказал, что они, рабочие, тоже поддерживают, что сказал т[оварищ] Королев, что перечистку советов необходимо сделать. Других ораторов не было. После этого была выбрана делегация для переговоров в Брянск и на

броневик. На броневик был избран т[оварищ] Новиков, солдат, кажется, 34 полка, а в Брянск т[оварищ] Королев. Других товарищей делегатов не знаю и не помню даже в лицо, но знаю, что выбирали по три человека. После этого митинг кончился» [21, л.7-7об] .

Пока все это происходило в Льговском поселке, в Брянск стали прибывать верные большевикам вооруженные отряды. Григорий Людиновский (Г.П.Киреев) вспоминал в 1922 г.: «Впоследствии, только какие-то особые обстоятельства (они отчасти известны участникам), замедлили поход повстанцев на город. Мы выиграли время. В 2 часа дня [13 марта] прибыло первое подкрепление в лице роты Орловских курсантов» [65, с.94] . Согласно подписанному 15 марта 1919 г. начальником гарнизона военным комиссаром Потапиным приказу №26 по гарнизону г. Брянска, вскоре в распоряжении местных большевиков оказались следующие вооруженные формирования: Сводная рота коммунистов г. Брянска, Бежицкого и Мальцовского районов; Бежицкая караульная рота; курсанты Орловских пехотных командных курсов, Орловская батарея 4-й дивизии; Смоленский, Курский и Калужский отряды; батальон Унечского железнодорожного полка и части милиции г. Брянска и уезда. При этом наиболее активное участие в подавлении восстания приняли, согласно названному приказу, орловские курсанты [28, л.573] . К слову, в литературе есть упоминание о подавлении восстания в Брянском гарнизоне, как об одной из первых боевых операций коммунистических частей особого назначения [60, с.25-26] ... Караулы прибывших частей заблокировали оба моста – Черный и так называемый «живой» (понтонный), соединявшие Льговский поселок с Брянском, и начали арестовывать всех подозрительных (особенно носивших военную форму), предпринимавших попытку попасть в Брянск либо покинуть город. Задержанных направляли в так называемый «Центро-клуб» (кажется, бывшее Общественное собрание, на месте которого в 1959 г. выстроили здание Брянской областной библиотеки).

У артиллеристов тяжелого и мортирного дивизионов на Трубчевской улице события разворачивались так. Утром комиссар мортирного дивизиона Смирнов привез своим красноармейцам хлеб, полученный в исполкоме брянского совета, и вроде бы успокоил бойцов. Зато в тяжелом гаубичном дивизионе волнения продолжались. Тамошние артиллеристы, по словам Смирнова, были «ужасно недисциплинированны и на указания командиров отвечали свистом». Днем 13 марта в казармы на Трубчевской пришли делегаты из Льговского поселка – и здесь вновь закипел митинг: «Выступавшие на нем солдаты агитировали против подчинения приказам командиров, призывали не кончать миром и не сдаваться. Солдат 4-го тяжелого дивизиона Станислав Белян выкрикивал антисемитские и антикоммунистические лозунги, солдат того же дивизиона Иван Гвачев призывал выгнать из Советов евреев» [73, с.170] . На митинге арестовали комиссара Малинина и его помощника Маслова, решили навести свои пушки на город и послать делегацию в Льговский поселок.

Между тем, вечером 13 марта восставшие все же решились идти из Льговского поселка на Брянск. Как рассказывал красноармеец 35-го полка Волинцев: «Вечером в 6 час[ов] товарищи солдаты пошли в город с оружием, для празднования ”свержения коммунизма”, о возвращении их ничего не знаю» [21, л.7об] . Интересное определение: восставшие пошли не на штурм, не с тем, чтобы занять город, а как бы на праздник... Между тем, дело было нешуточное, поскольку в полночь с 13 на 14 марта мятежные артиллеристы сделали все же несколько выстрелов из своих тяжелых орудий [73, с.170] .

О последовавших событиях историографы брянской коммунистической организации писали в 1927 г. несколько размыто: «Вечером 2-го дня восставшие опять собрались идти на город, но выступление снова не состоялось, так как прибывшая делегация от рабочих Брянского Мехартзавода (Брянского арсенала. – Ю.С.) обратилась к красноармейцам с пламенными речами. Горячая речь рабочей делегации перед восставшими имела решающее значение. Поход на Брянск не состоялся. С этого момента восстание следует считать законченным. Благодаря

стойкости и бесстрашию командного состава, благодаря самоотверженной работе советских и партийных органов, благодаря активному участию рабочих Мехартзавода — удалось избежать неизбежного, в таких случаях, кровопролития, а может быть и разгрома города Брянска» [9, с.57] .

Рис.16, 17. Брянские казармы 4-го тяжелого и 4-го mortarного дивизионов на Трубчевской (ныне Красноармейской) улице. Фото 2007 и 2008 г.

Интересно, что в позднейшей коммунистической мифологии «подвиг усмирения мятежников словом» приписали лидеру брянских большевиков Игнату Фокину [39, с.209-210; 38, с.117-119; 94, с.25-26] , в связи с чем Львовский поселок переименовали в Фокинский (ныне Фокинский район г. Брянска). «Фокинским» сделали также и Черный мост.

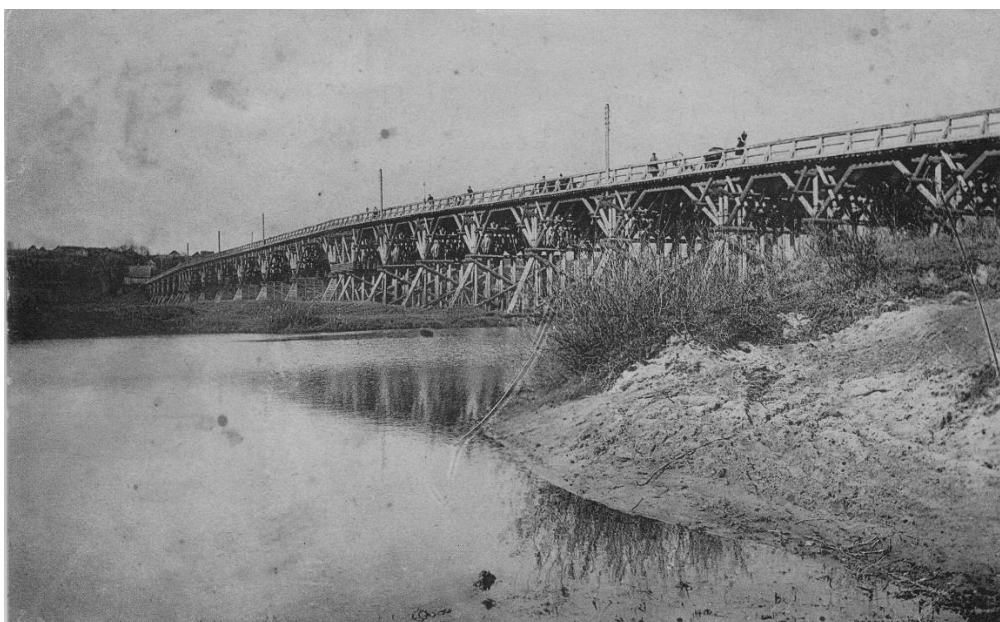

Рис.18. Черный мост через реку Десну, соединяющий Льговский поселок с Брянском. Снят со стороны поселка. Открытка начала XX века.

Григорий Людиновский (Г.П.Киреев) признавался в своих воспоминаниях 1922 г.: «Положение начало изменяться в нашу пользу. Все же пришлось канителиться еще 2 ночи...» [65, с.94]. Действительно, утром в пятницу, 14 марта, красноармеец 35-го полка Волынцев наблюдал, как «на [Льговском] поселке бродили солдаты с ружьями» [21, с.7об]. В тот же день, в 4 часа утра 700 верных большевикам красноармейцев (очевидно, прибывших с подкреплением из других городов), при пулемете «Кольт», окружили казармы артиллеристов на Трубчевской. Те разоружаться отказались, а в 9 часов утра началась перестрелка, длившаяся до 16 часов. И только в 18 часов артиллеристы сложили оружие. Десять артиллеристов были арестованы, шестеро – преданы суду ревтрибунала [73, с.170-171]. Разоружен был также брянский караульный батальон [94, с.27].

Днем или к вечеру верные большевикам вооруженные формирования начали брать под контроль Льговский поселок. Не всегда это проходило спокойно. Например, отряд, который возглавлял бывший тарашанец и убийца «военкомбрига-3» Жилина Захар Нахаёв (не зря, видимо, Нахаёв ходил тогда в комиссарских сапогах), по словам одного из Нахаёвских соратников, красноармейца 34-го полка Федора Володина, «оружия не сложил, а принял бой на ст[анции] Брянск, М[осковско]-К[иево]-В[оронежской] ж[елезной] д[ороги]. Потом Нахаёв сказал, чтобы все товарищи спасались, кто куда может» [22, л.54].

С Нахаёвым в сторону станции Выгоничи уходили еще четверо красноармейцев, в большинстве своем местных жителей, из которых лишь один был безоружен. А вот красноармеец 35 полка Тарас Танашев имел при себе две бомбы, и трое беглецов были с винтовками. На станции Палужье оружие у беглецов отобрали, но самих отпустили по домам. Трое, в том числе и Нахаёв, двинулись при этом на Унечу. Товарищам по путешествию Захар признавался, «что он направляется домой, побудет там немного, а потом поступит в свою часть, которая стоит под Киевом (Тарашанский полк. – Ю.С.). <...> ...Нахаёв... говорил, что по приезде в свою часть и там поднимет восстание против советов, коммунистов и евреев» [22, л.53-53об]. Учитывая то, что мы уже знаем о Тарашанском полке, призыв к такому восстанию мог бы найти в нем отклик.

В действительности же восстание Брянского гарнизона стало своеобразным детонатором, запустившим череду крестьянских восстаний на довольно значительном пространстве. Недаром

авторы брянского «истпарта» в 1927 г. говорили: «После ликвидации восстания, часть восставших сложила оружие, часть, захватив все, что было можно, бежала в леса и безуспешно пыталась организовать для дальнейшей борьбы с Советской властью. Также неудачна была попытка части бежавших поднять восстание в Карачевском гарнизоне» [9, с.57]. Кроме того, разгром «железнодорожным десантом» брянских мятежников 1-го заградительного отряда на станции Навля дал толчок крестьянскому восстанию 13-15 марта в Литовенской волости Севского уезда Орловской губернии [12]. Наконец, 23 марта 1919 г. начальник курской губернской ЧК Каминский передал в Москву по прямому проводу: «В Михайловской вол[ости] Дмитриевского у[езда] вспыхнуло восстание на почве реквизиции хлеба, по имеющимся сведениям, здесь оперируют дезертиры Брянского гарнизона, движение охватило ряд деревень и сел, движение перебросилось в Орловскую губ[ернию]. Повстанцев около 8 тыс[яч] человек при 1 тыс[яче] винтовок и двух пулеметах. Первые отряды, высланные на подавление, были разоружены. Приняты меры к окончательной ликвидации восстания» [90, с.125].

Да и в самом Брянске было совсем неспокойно, несмотря на то, что 15 марта 1919 г. официально объявили: «Сего числа восстание частей гарнизона, поддавшихся агитации кулацкого и контрреволюционного элемента, подавлено доблестными красными отрядами, доказавшими верность республике и рабоче-крестьянской власти» [28, л.573; 44]. Дело в том, что уже «под шапочный разбор» в Брянск для подавления мятежа прикатил эшелон с батальоном 12-го Московского полка ВЧК. Командовал батальоном латыш Брандт. Служивший в названном батальоне под началом Брандта Александр Иванович Шебунин, в будущем генерал-полковник интендантской службы (1945) и заместитель министра обороны СССР, вспоминал в 1971 г.: «Часов в десять утра наш эшелон подкатил на всех парах к Брянску. Из раскрытых дверей теплушек торчали стволы пулеметов, наведенные для предосторожности на здание вокзала и перрон. Посланные вперед разведчики доложили, что в городе все спокойно и что восстание будто бы уже подавлено. Так оно и оказалось. Местные чекисты сумели обойтись без нашей помощи: верные Советской власти войска блокировали, а потом разоружили мятежников. Вожакам, правда, удалось скрыться. Делать нам в Брянске было нечего. Однако батальон по-прежнему оставался наготове, в вагонах. Все с нетерпением ждали, когда возвратятся командир и комиссар, отправившиеся на экстренное заседание губкома. Наш эшелон загнали в тупик. Мы расставили часовых у теплушек и возле пассажирского вагона, который занимало командование батальона. Совещание в губкоме закончилось только к вечеру. Брандта все не было. Стали беспокоиться. Обычно с комбатом всегда находился ординарец — для связи. Но в тот раз Брандт отпустил ординарца, когда остался на совещании. Начались поиски. Вскоре красноармейцы наткнулись на труп своего командира. Он лежал между двумя составами порожняка, стоявшими перед нашим эшеломом. Брандт был убит выстрелами в спину. Странно, что наши часовые не слышали выстрелов.<...> Чекисты Брянска и наш батальон были подняты на ноги. В течение суток мы облазали весь город в надежде найти террористов, но тщетно. На третий день батальон вернулся в Москву» [109, с.44].

Вообще же, как писала 18 марта 1919 г. газета «Известия Брянского уездного исполкома», жертвами мятежа стало «не более 8-10 человек вместе и с обывателями» [76]. Надо полагать, это количество погибших. Вскоре в Брянске с помпой похоронили убитого мятежниками «военкомбрига-3» Жилина. Вероятно, это были первые безбожные (без участия духовенства, без отпевания и т.п.) похороны в истории города. Сохранилось описание «церемониала похорон товарища А.И.Жилина», которыми руководил его временный заместитель в должности военного комиссара 3-й стрелковой бригады и первый биограф С.Коханов: «Церемониалу в 2 ½ часа дня выстроиться развернутым фронтом, лицом к Красноармейскому клубу (здание Офицерского собрания 2-й бригады 36-й пехотной дивизии Императорской Русской Армии, позже брянский Дом офицеров. Ныне это здание, находящееся по адресу ул. Калинина, 79, за-

брошено и разрушается. – Ю.С.). Музыке стоять на правом фланге церемониала. При выносе тела из помещения Красноармейского клуба, церемониалу взять на караул, а музыке играть "Интернационал". Когда процессия минет голову Церемониала, музыке, ротам и командам следовать непосредственно за гробом. Венки нести впереди гроба, а впереди всей процессии красноармейский значок на красной подушке. При опускании тела в могилу ротам и командам сделать салют холостыми патронами. Вынос тела назначить в 3 часа дня. Всем инструкторам 34 и 35 стрелк[овых] полков (красноармейцев вызывать не решились. – Ю.С.) под команду помощника командира 34 стрелк[ового] полка Анненкова следовать непосредственно за гробом. Команде т[оварища] Зимина 34 стрелк[ового] полка прибыть к Красноармейскому клубу к 2 часам дня. 4 Тяжелому Дивизиону выслать лафет к помещению Красноармейского клуба к 2 часам дня. Организации Коммунистов прибыть к Красноармейск[ому] клубу к 2 ч[асам] дня» [27, л.332] .

Что касается предводителей восстания, то здесь коммунистическим карательным органам похвалиться было нечем. Конечно, «по горячим следам» местная газета сообщила: «Прибывшими частями войск, совместно с отрядами милиции и коммунистов мятежники были обезоружены и зачинщики арестованы. <...> В настоящее время ведется энергичное следствие, которое и выяснит настоящих виновников неудавшегося восстания. <...> Большинство "бунтовщиков" выражает искреннее сожаление, что они попались на удочку политических маклеров, совершенно не имея представления об истинных замыслах своих "вожаков"» [76] . На поверку же выяснилось, что известные чекистам активные участники мятежа разбежались и поймать их оказалось неосуществимым делом. А показания не очень грамотных свидетелей никаких обстоятельных сведений «об истинных замыслах» вожаков восстания не дали.

Между тем, глава большевиков Ленин, по своим природным цинизму и беспринципности, использовал сам факт восстания в Брянском гарнизоне для очередных нападок на конкурентов по социалистическому движению. Выступая 19 марта 1919 г. на 8-м съезде своей российской коммунистической партии (большевиков), Ленин, что называется, «на голубом глазу», заявил: «У нас имеются данные о том, что в восстаниях, которые происходили в некоторых местах, ясно виден общий план, и этот план ясно связан с военным планом белогвардейцев, решивших на март общее наступление и организацию ряда восстаний. <...> Эти восстания показывают нам яснее ясного, что левые эсеры и часть меньшевиков — в Брянске над восстанием работали меньшевики — играют роль прямых агентов белогвардейцев» [63, с.163] . Среди партийной публики в это время сидели лидер брянских большевиков Фокин вместе с женой, наверняка ничего не знавшие об участии меньшевиков в брянском восстании. Однако, на вопрос жены: «Почему он молчит, когда и более слабые выступают», Фокин ответил: «Зачем?... Разве больше Ленина скажешь?» [86, с.30].

9 мая 1919 г. следственная комиссия при брянском революционном трибунале прекратила по амнистии всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) от 25 апреля 1919 г. дела в отношении 29 лиц, участвовавших в брянском восстании или причастных к нему. Амнистированы были и мятежные артиллеристы из брянских дивизионов [73, с.171] . Вместе с тем, комиссия постановила выделить из общего производства «и занумеровать по реестру:

- 1) дело Захария Нахаёва по обвинению его в убийстве комиссара Жилина;
- 2) дело Василия Алексеичева по обвинению его в грабеже во время восстания и
- 3) дело Королева, Костюченко, Дятлова, Еремичева по обвинению их в активном участии в восстании и руководстве восставшими.

В виду того, что обвиняемые Алексейцев Василий, Королев, Костюченко, Дятлов и Еремичев скрывают[ся] и местопребывание их не установлено, дело о них до обнаружения и задержания их» постановили «производством приостановить» [21, л.12] .

На самом деле, тот же Алексейцев, например, «захватил одну бомбу и револьвер и ушел домой», в село Акуличи. Здесь местные милиционеры обыскали дезертира, отобрали у него оружие, но оставили на свободе. Арестовали Алексея только 6 мая, а через неделю он пребывал в старинном брянском остроге, переименованном большевиками в «арестный или работный дом» (ныне следственный изолятор) [23, л.10, 7, 18, 4]. 23 июня 1919 г. дело Алексея передано в трибунал, 28 июня 1919 г. трибунал по амнистии ВЦИК Алексея освободил. А уже 1 августа Алексейцев подал жалобу на то, что ротный Попов «показал на него неправильно» [23, л.17, 21, 19] ...

В конечном счете, в революционном трибунале за мятеж ответил один Захар Нахаев. В Тарашанский полк Нахаев так и не попал. Беглый красноармеец добрался до родного Стародуба, «где и родственникам своим рассказывал, что им был в Брянске убит комиссар» [22, л.1]. Кажется, побывал Нахаев за это время и в Гомеле, где, как уже говорилось, в 20-х числах марта 1919 г. произошло крупное восстание красноармейских частей, сопровождавшееся избиением коммунистов и евреев. И вот к 6 мая Нахаева изловили и доставили в брянский «работный дом». Причем тогда же Нахаев себя виновным в убийстве не признал [22, л.57]. Но свидетельские показания были уже собраны, и 14 мая 1919 г. следственная комиссия брянского ревтрибунала «постановила красноармейца гр[ажданина] Захара Нахаева признать виновным в участии в убийстве комиссара Жилина» [22, л.1].

10 июля 1919 г. в 12 часов 30 минут Нахаеву вынесли приговор: «Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Брянский Революционный Трибунал в публичном судебном заседании, в составе: Председатель – Переверзев, Члены Трибунала Анцышкин и Чепурова. <...> Революционный трибунал, руководствуясь велением Революционной совести (писанных законов большевики в ту пору не признавали. – Ю.С.), постановил: красноармейца Захара Васильевича Нахаева признать виновным в убийстве в дни восстания комиссара Жилина и мародерстве, подвергнув высшей мере наказания – Расстрелу. Срок и порядок обжалования разъяснен. Судебные издержки в сумме 200 рублей взыскать с обвиняемого» [22, л.10-10об]. Первая кассационная инстанция кассацию Нахаева на процитированный приговор отклонила «за отсутствием кассационных поводов и за отсутствием смягчающих вину обстоятельств» [22, л.13об]. 19 ноября 1919 г. кассацию Нахаева рассматривал и также отклонил кассационный отдел ВЦИК в Москве [22, л.14]. Но и после этого расстрелять Нахаева большевикам не удалось. После получения бумаги из кассационного отдела ВЦИК в брянский ревтрибунал пришла от заведующего местным «работным домом» записка: «Сообщаю для сведения, что содержащийся по приговору от 10-го июля 1919 г. Захар Нахаев 26 декабря умер в тюремной больнице от слабости сердца после тифа» [22, л.15] ...

Библиографический список

1. Аверченко А.Т. Приятельское письмо Ленину // Зарницы. (Константинополь.) 1921. № 15. С.4;
2. Амфитеатров-Кадашев В. Страницы из дневника // Публикация С.В.Шумихина // Минувшее. Исторический альманах. 20. М., 1996. С.435-635.
3. Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. Т.3. М.-Л., 1932.
4. Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. Т.4. М.-Л., 1933.
5. А-у-е-рь. Типы революции по провинции. Авантюристы // Известия Брянского районного совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. №29 (90). 4 августа. С.3.
6. Бабель И. Э. Собрание сочинений в четырех томах. Т. 2. М., 2006.
7. Бовтунов А.Т. Узел славянской дружбы. Очерк о коллективах предприятий Унечского железнодорожного узла. Клинцы, 1998.
8. Борьба. Орган военного совета Брянского район и Брянского районного Совета Раб., Солд. и Крест. Депутатов. 1918. №54. 20 июня. С.1.
9. Борьба за октябрь в Брянской губернии. Брянск, 1927.
10. Брянский большевик (Игнат Фокин). Брянск, [1927].
11. Брянцев М.В. Борьба большевиков с политическими оппонентами в 1919 – 1920 гг. (по материалам ГАБО) // Брянский край в XX в.: общество, политика, экономика Сборник статей и материалов научно-практической ис-

- торико-краеведческой конференции / Под общ. ред. М.В.Брянцева, А.М.Дубровского, Е.В.Киселевой. Брянск, 2012. С.88-102.
12. Брянцев М. В. Литовинское восстание // Право: история, теория, практика. Сборник статей и материалов. Вып.10. Брянск, 2006. С.366-370.
  13. Бугуруслан // Советская военная энциклопедия. Т 2. М.,1933.Стб. 823.
  14. Великая Октябрьская социалистическая революция. Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис. Документы и материалы. М., 1959.
  15. Великая Октябрьская социалистическая революция. Энциклопедия / Под ред. П.А.Голуба, Ю.И.Кораблева, М.И.Кузнецова, Ю.Ю.Фигатнера / 3-е изд., доп. М., 1987.
  16. Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений / Под. ред. Ю. Фельштинского. М., 1999.
  17. Воспоминание железнодорожника ст. Унеча Зап. ж.д. Ф.Т. Васеко // radimich.narod.ru; Товарищ Хайкина // <http://unecha.org/history>
  18. Вязмитин О.Р. Населенные пункты Брянского края. Энциклопедический словарь / Изд. 2-е, дополненное и исправленное. Брянск, 2012.
  19. Государственный архив Брянской области (ГАБО). Ф. Р-80. (Брянский губернский административный отдел исполнительного комитета советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.) Оп.1. Д.41. Переписка о расчистке линий железной дороги от снежных заносов. 28.12.1918 – 8.06.1919.
  20. ГАБО. Ф.Р-85. (Брянский губернский исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.) Оп.2. Д.9. Приказы по войскам Орловского военного округа, протоколы заседаний. 9.02.1919 – 25.12.1920.
  21. ГАБО. Ф. Р-594. (Брянский губернский революционный трибунал.) Оп.1. Д.1000. Дело по обвинению гр. Королева, Костюченко, Дятлова и Еремичева в восстании 12, 13, 14 марта 1919 г.
  22. ГАБО. Ф. Р-594. Оп. 1. Д. 1048. Дело по обвинению Захара Васильевича Нахаева в убийстве комиссара Жилина. 14.05.1919 – 2.02.1920.
  23. ГАБО. Ф. Р-594. Оп.1. Д.1120. Дело по обвинению гр. Василия Алексеичева в восстании 12-14 марта 1919 г.
  24. ГАБО. Ф. Р-594. Оп.1. Д.1238. Дело о вооруженном нападении на 9-й реквизиционный продовольственный отряд 13 марта 1919 г.
  25. ГАБО. Ф. Р-1616. (Брянский уездный исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.) Оп.1. Д.69. Приказы Брянского уездного военного комиссариата. 3.08.1918 – 5.09.1919.
  26. ГАБО. Ф.Р-1616. Оп.1. Д.122. Ч.1. Декреты, инструкции, циркуляры, протоколы. 2.01. – 22.08.1919.
  27. ГАБО. Ф. Р-1616. Оп.1. Д.122. Ч.2.
  28. ГАБО. Ф.Р-1616. Оп.1. Д.122. Ч.3.
  29. Голиков Д. Л. Крушение антисоветского подполья в СССР (1917— 1925 гг.). М., 1975.
  30. Гомель в дни временных побед белогвардейцев // Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. №72. 4 апреля. С.2.
  31. Гомельская губерния. 1919 – 1926 гг. Документы и материалы / Сост. М.А.Алейникова и др. Минск, 2009.
  32. Горький М. Иван Вольнов // Вольнов И.Е. Избранное. М., 1956. С.3-21.
  33. Горький М. О русском крестьянстве. Берлин, 1922.
  34. Гражданская война на Украине 1918 — 1920. Сборник документов и материалов в трех томах, четырех книгах. Т. I. Кн. 1 / Под редакцией И.К.Рыбалки. Киев, 1967. С.310.
  35. Давно пора // Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. №145. 8 июля. С.4.
  36. Добровольный уход красного полка на фронт // Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. №13. 19 января. С.3.
  37. Дунаев В. «Унечское противостояние» // Брянский рабочий. 1987. 12 июня. С.3.
  38. Иванин Н. У Черного моста // На земле Пересвета. Сборник / Сост. Н. Родичев. М., 1984. С.117-119.
  39. Иванюга [-Киреева] А.И. Большевики Брянска в борьбе за упрочение Советской власти // Октябрь на Брянщине. Сборник документов и воспоминаний. Брянск, 1957. С.205-210.
  40. Известия Брянского Уездного Исполкома Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских 41. Депутатов. 1918. №94(155). 24 октября. С.4.
  42. Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. №14. 21 января. С.1.
  43. Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. №48. 5 марта.
  44. Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. №57. 16 марта. С.1.
  45. Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. №58. 18 марта. С.4.
  46. Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919.

- №120. 7 июня. С.2.
47. Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. №121. 8 июня. С.2.
48. Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. №149. 12 июля. С.4.
49. Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. №124. 13 июня. С.3.
50. Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. №139. 1 июля. С.1.
- 50а. Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. №149. 12 июля. С.3.
- 50б. Исайчиков Ф.С. Именные улицы Брянска. Брянск, 1999.
51. История 131-го стрелкового Таращанского полка 44-й Киевской стрелковой дивизии. Житомир, 1928.
- 51а. История партийной организации Брянщины (в иллюстрациях). Тула, 1972.
52. К позорной доске // Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. №18. 26 января. С.4.
53. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 2 / 2-е изд., уточн. М., 1990.
54. Какурин Н. Е., Вацетис И. И. Гражданская война. 1918–1921. СПб., 2002.
55. Киреев Григорий Петрович // Жертвы политического террора в СССР / Издание 4-е, переработанное и дополненное / Составление «Международный Мемориал». [Электронный ресурс] – М.: Звенья, 2007.- 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- 55а. Киреева Анна Ивановна // Жертвы политического террора в СССР / Издание 4-е, переработанное и дополненное / Составление «Международный Мемориал». [Электронный ресурс] – М.: Звенья, 2007.- 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).
- 55б. Киселева Е.В. Власть советов: у истоков создания образа (по материалам Орловской и Брянской губерний). Брянск, 2013.
56. Книга погромов. Погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны. 1918—1922 гг. Сборник документов / Отв. ред. Л.Б. Милякова, отв. сост.: Зюзина И.А., Милякова Л.Б., при участии Середы В.Т., Розенблат Е.С., Еленской И.Э. М., 2007.
57. «Комиссарские» тройки // Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. №14. 21 января. С.3.
58. Коханов С. Памяти Александра Ивановича Жилина // Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. №58. 18 марта. С.2-3.
59. Крапивницкий [Г.], Кривец И. Наш ответ «Мрачному» // Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. №47. 2 марта. С.4.
60. Кротов В.Л. Чошовцы. М., 1974.
61. Лебедева В., Такоева И. Стрекопытовское восстание в Гомеле в марте 1919 г. // Крестьянский фронт 1918 - 1922 гг. Сборник статей и материалов / Под ред. А. В. Посадского. М., 2013. С.122-158.
62. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Издание 5-е. Т.37. М., 1969.
63. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Издание 5-е. Т.38. М., 1969.
64. Листовская О.А. В те дни. Берлин, 1925.
65. Людиновский Г. (Киреев Г.П. – ?) Несколько слов об Игнате // Сборник памяти тов. Игната Фокина. Брянск, 1922. С.90-94.
66. Мар. Зигзаги // Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. №149. 12 июля. С.3.
67. Марьенков Е. Николай Щорс. Смоленск, 1936.
68. Матвеев Ф.П. Из записной книжки депутата 176 пехотного полка. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов март – май 1917 г. М. – Л., 1932.
69. Местная жизнь. Крестьяне не доставляют на рынок продуктов // Известия Бежицкого Революционного Совета. 1918. №20 (140). 13 сентября (31 августа ст.ст.). С.3.
70. Миленко В.Д. Аркадий Аверченко. М., 2010. (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1226).
71. Молодой солдат. У красноармейцев. Митинг в 4 дивизионе // Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. №133(194). 10 декабря. С.4.
72. Октябрь на Брянщине. Сборник документов и воспоминаний. Брянск, 1957.
73. Павлей Р.Л. Мартовское восстание солдат Брянского гарнизона (по материалам ГАБО) // Деснинские древности. Материалы межгосударственной научной конференции «История и археология Подесенья», посвященной памяти Ф.М.Заверняева. Вып. IX. Брянск, 2018. С.165-172.
74. Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003.
75. Петриковский С.Р. Мятеж в Богунском полку как отражение военно-политического конфликта Украины и рос-

- сийских большевиков // Деснинское древности. Вып. VI. Материалы межгосударственной научной конференции, посвященной памяти Ф.М.Заверняева. Брянск, 2012. С.334-345.
76. Петров Гр. (Киреев Г.П. - ?) Неудавшийся мятеж // Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1919. №58. 18 марта. С.4.
77. Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции, постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета и фракций 27 февраля—25 октября 1917 года. В пяти томах / Под общей редакцией П.В.Волобуева. Т.1. Л., 1991.
78. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Протоколы, стенограммы и отчеты, резолюции и постановления общих собраний, собраний секций, заседаний Исполнительного комитета, Бюро Исполнительного комитета и фракций (27 февраля — 25 октября 1917 года). Т. 4. М., 2003.
79. По району. Вооруженное нападение и грабеж // Известия Бежицкого Революционного Совета. 1918. №16 (136). 8 сентября (26 августа ст.ст.). С.4.
80. Пролетарий. Бежица – Брянский завод. Безумство «храбрых» // Известия Брянского Районного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов. 1918. №16 (77). 20 июля. С.3-4.
81. Разумов В.П. Древо моей жизни. 3. Красная Армия. В походах против Деникина и белополяков. Брянск, 1982 // Семейный архив Разумовых-Высоцких. Брянск.
82. Ржевская А. Бабушкины письма // Брянский рабочий. 2004. 6 августа. С.6.
83. Савин И. «Всех убиенных помяни, Россия...» Стихи и проза / Предисл., сост., подгот. текста и примеч. Э.В. Каркконена, Д.В. Кузнецова, В.В. Леонидова. М., 2007.
84. Сборник памяти тов. Игната Фокина. Брянск, 1922.
85. Служим России. 90 лет образования управления Федеральной службы безопасности России по Брянской области. Брянск, 2008. С.8.
86. Смирнова-Полетаева. Мои воспоминания // Сборник памяти тов. Игната Фокина. Брянск, 1922. С.13-31.
87. Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985.
88. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917—1918 гг. М., 1942.
89. Советская военная энциклопедия в 8 томах / Под ред. Н.В.Огаркова. Т.4. М., 1978.
90. Советская деревня глазами ВЧК—ОГПУ—НКВД. 1918—1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 1. 1918—1922 гг. / Под ред. А.Береловича, В.Данилова. М., 2000.
91. Соколов Я.Д. Борьба брянских большевиков против меньшевистско-эсеровской контрреволюции // Брянский краевед. Вып. V. Брянск, 1973. С.211-224.
92. Солдат революции. Митинг в 34 и 35 полках // Известия Брянского уездного исполкома советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. 1918. №133 (194). 10 декабря. С.4.
93. Соловьев Ю.П. Город мастеров против красного дракона // Преображение. (Брянск.) 2011. №1-12 (33). С.49-57.
94. Тарджиманов М.О., Шахов В.Н., Дунаев Ф.П. Всегда на боевом посту. Тула, 1985.
95. Точный Н. Красные партизаны на Нежинщине // Летопись революции. Журнал по истории КП(б)У и Октябрьской революции на Украине. 1926. №2 (17). С.60-78.
96. Тэффи Н.А. Собрание сочинений в 5 т. Т. 5. М., 2011.
97. Украинский полк – в красную армию // Известия Бежицкого Революционного Совета. 1918. №39 (159). 6 октября (23 сентября ст.ст.). С.3.
98. Храменко П.М. Мои Клинцы // Перекрестов Р.М. Клинецовский летописец. Кн.1. Клинцы, 2004. С.183-411.
99. Центр документации новейшей истории Брянской области (ЦДНИБО). Ф. П-6 (Клинецовский уком ВКП(б), Черниговской губернии.). Оп. 1. Д.1.
100. ЦДНИБО. Ф.П-6. Оп.1. Д. 2. Орготдел. 13.11.1918 – 9.07.1919.
101. ЦДНИБО. Ф. П-6. Оп.1. Д.5.
102. Черная доска // Известия Брянского Районного Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов. 1918. №11(72). 14 июля. С.4.
103. Черная доска // Известия Бежицкого Совета Рабочих Депутатов. 1918. №93. 16 июля (3 июля ст.ст.). С.4.
104. Черная доска // Известия Брянского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов. 1918. №22(83). 27 июля. С.4.
105. Черушев Н.С. «Невиновных не бывает...» Чекисты против военных (1918 – 1953). М., 2004.
106. Черушев Н. С., Черушев Ю. Н. Расстрелянная элита РККА (командармы 1-го и 2-го рангов, комкоры, комдивы и им равные): 1937-1941. Биографический словарь. М., 2012.
107. Шаховская З.А. В поисках Набокова. Отражения. М., 1991.
108. Шаховская З.А. Таков мой век / Пер. с фр. М., 2006.
109. Шебунин А.И. Сколько нами пройдено... / Литературная запись В. Г. Александрова. М., 1971.

Сведения об авторе:

Соловьев Юрий Павлович, кандидат филологических наук, ur.solovjev@yandex.ru